

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 74 Brisbane, Australia, April 2019

Брисбен

74

Апрель 2019 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Оформление цветной обложки - © Tamara Maleevsky

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически. Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

*** Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 7 плюс пересылка по Австралии и упаковка (\$ 2.50).

Стоимость годовой подписки - 4 журнала, включая пересылку по Австралии - \$ 38.00

Христос Воскресе!

Дорогих читателей, авторов и друзей журнала
поздравляем с Великим Праздником
Светлого Христова Воскресения!

ред. журнала «Жемчужина»

Тебе, Воскресшему, благодаренье!

Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновенье
В сердцах людей любовь горя.
Хвалите Господа с Небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.
Хвалите сонм Бесплотных Сил
И Ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.
Хвалите Господа с Небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.
Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!
Хвалите Господа с Небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос!
Христос Воскрес!
И смерть попрад навеки!

(1858-1915)

К. Р.

Воскресение Христово

В день Пасхи, радостно играя,
Высоко жаворонок взлетел
И, в небе синем исчезая,
Песнь воскресения запел.
И песнь ту громко повторяли
И степь, и холм, и темный лес.
«Проснись, земля, - они вещали, -
проснись: твой Царь, твой Бог воскрес.
Проснитесь, горы, доли, реки.
Хвалите Господа с небес.
Побеждена им смерть вовеки.
Проснись и ты, зеленый лес.
Подснежник, ландыш серебристый,
Фиалка - зацветите вновь,
И воссылайте гимн душистый
Тому, Чья заповедь - любовь».

княжна Елена Горчакова.

Земля и Солнце

Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!
В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!
Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы -
Христос воскрес!
Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!
Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!

Л. Чарская.

Не тот велик, кто никогда не падал,
а тот велик - кто падал и вставал.

“У Бога мертвых нет”

Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна бессменная придет.
Жив Бог! Жива душа! И царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет!

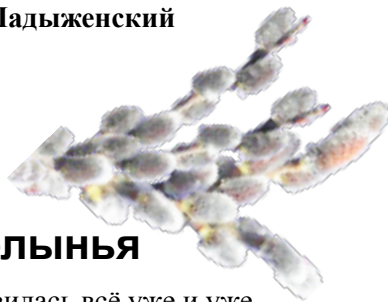
Н.И. Гнедич.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос Воскрес! Скворцы поют,
И, пробудясь, ликуют степи.
В снегах, журча, ручьи бегут
И с звонким смехом быстро рвут
Зимою скованные цепи.
Еще задумчив темный лес,
Не веря счастью пробужденья.
Проснись! Пой песню Воскресенья -
Христос Воскрес!

В. Ладыженский

Полынья

Полынья становилась всё уже и уже,
И крепчал с каждым часом колючий мороз.
При такой-то неслыханной мартовской стуже
Удивительным кажется тёплый прогноз.
В полынье, выбиваясь из сил из последних,
Пёс дворовый пытался забраться на лёд.
Из домов и дворов, рядом с речкой, соседних
Собирался встревоженный шумный народ.
Кто-то охал и ахал: "Несчастный! Бедняга!
Как же он угодил в ледяной-то капкан?
Безобидный, хороший, добрейший дворняга,
Ребятишек любимец по кличке Полкан".
Суетились, кричали, махали руками,
План спасенья какой-то пытались создать.
Вмиг мальчишки решили все стать моряками,
Чтобы тонущих в речке бесстрашно спасать.
«Нужно лёд разбивать! - громко крикнул мужчина
И поспешно одежду с себя стал снимать.
- Захлебнётся он скоро, ослабла же псина.
Поплыву. Помогай мне Заступница Мать!»
Смело в воду зашёл, торсом лёд разбивая,
Так и плыл, пробивая дорожку вперёд.
Тишина вдруг повисла вокруг чумовая,
Только всплески воды, только рук его взлёт.
Пса за холку схватил, вместе плыть веселее:
«Эй, народ! Завернуть потеплей нужно пса!»
Не сыскать на Земле мужиков удалее!
Гордость Родины! Русской природы, краса!

Сайт «Свете тихий», Светлана Донченко.

Еще земли печален вид...

Еще земли печален вид,
А воздух уж весной дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну услышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

(1836)

Ф.И. Тютчев.

*Любить - это всегда
предельно больно.*

(Силуан Афонский)

Любить всегда предельно больно,
Не каждый может полюбить:
Не страстью воспылать невольной,
А жизнью всей любовью быть!
Любовь не в сладости угара,
Не в страсти звуков роковых
В огне душевного пожара
И в чарах блуда вековых.
Она тиха и непорочна,
Полна добра и теплоты,
Неистошима и бессрочна,
Как воздух, звезды и мечты.
Не опрометчива, прекрасна,
Готова жертвовать, отдать
Себя всецело, ежечасно,
Как сына любящая мать.
Она печаль его и горе,
И крест тяжелый понесет,
Не пощадит себя, доколе
Любовь жива и не умрет!

В.К. Невярович. Россия.

Основы христианской культуры

...Продолжение статьи
«О ЗАСТАВЛЕНИИ И НАСИЛИИ» - см. 73

5. О ПСИХИЧЕСКОМ ПОНУЖДЕНИИ

...Вопреки всему этому необходимо установить, что «заставляющий» совсем не делает тем самым злое дело, и не только тогда, когда он заставляет самого себя, но и тогда, когда он заставляет других.

Так, вряд ли надо доказывать, что все основные виды самопонуждения и самопринуждения имеют решающее значение в процессе внешней цивилизации и внутренней культуры человека. Все состояния лени, дурных привычек, азарта, запоя и многое множество так называемых проблематических, неудачливых, падших и даже порочных натур имеют в основе сво-

ей неспособность к такому душевному и телесному самопонуждению: или непропорциональную слабость понуждающей воли, или непропорциональную силу дурных страстей, или то и другое вместе. Тот, кому когда-нибудь удавалось вчувствоваться и вдуматься в проблему духовного воспитания, тот должен был понять, что глубочайшая основа и цель его состоит в самовоспитании и что процесс самовоспитания состоит не только в пробуждении в самом себе очевидности и любви, но и в усилиях понуждающей и принуждающей себя воли. Сентиментальный оптимизм в духе Руссо и его современных сторонников характеризует людей наивных в опыте зла и всегда дает право спросить, знают ли они сами, что такое самовоспитание, и всегда ли им самим давалось органически свободное и цельное действие волевой силы в направлении на высшее благо?.. Тот, кто духовно воспитывает себя, тот хорошо знает, что такое самопонуждение и самопринуждение.

Понятно, что заставлять и понуждать себя можно не только ко благу, но и ко злу. Так, психическое понуждение себя к прощению обиды или к молитве не будет злым делом, но понуждение себя к злопамятству, к обману или к доказыванию заведомо ложной и духовно ядовитой теории, или к сочинению льстивой оды будет психическим, заставленным себя ко злу самонасилием. Точно так же физическое (строго говоря - психофизическое) принуждение себя к мускульной работе, к принятию горького лекарства, к суровому режиму будет не злым делом, а самопринуждением; но тот, кто заставляет себя, вопреки своей склонности, фальшиво улыбаться, вкрадчиво льстить, произносить демагогические речи или участвовать в кошунственных представлениях, тот принуждает себя ко злу и насилует себя (психофизически).

И вот в этом отношении задача каждого духовно воспитывающего себя человека состоит в том, чтобы верно находить грань между самопонуждением и самопринуждением, с одной стороны, и самонасилием, с другой стороны, укрепляя себя в первом и никогда не обращая ко второму: ибо самонасилие всегда будет равноопасно и равноценно духовному самопредательству.

Благое самозаставление призвано вести активную борьбу с противодуховным, озлобленным, упрямым «не хочется». Неспособность к этой борьбе есть первое проявление бесхарактерности. И именно немощь в самопонуждении и самопринуждении, эта слабость воли при силе злых страстей, выдвигает проблему духовной помощи, т.е. психического понуждения, исходящего от других. Напрасно наивная мораль, веруя в безусловную свободу воли, стала бы взывать здесь к личному «усилию», которое якобы «ничего не стоит сделать»... Проблема бесхарактерности непостижима для индетерминиста. Напрасно также наивный противник «насилия», веруя в безусловную силу безвольной очевидности и безвольной любви, стал бы «убеждать» и «зажигать» бесхарактерную душу. Проблема воспитания неразрешима для сентиментального. Помочь человеку, неспособному к благу самозаставлению, можно - или ослабляя силу его страстей (катартический путь, к которому неспособен индетерминист), или укрепляя силу его воли (императивный путь, к которому неспособен сентиментальный). Воспитывать бесхарактерного ребенка или, что почти то же, бесхарактерного взрослого - значит не только будить в нем духовную зрелость и зажигать в нем любовь, но катартически учить его самопонуждению и императивно приучать его к самопринуждению. Ибо для человека, неспособного к благу самозаставлению, единственный путь, ведущий его к этому искусству - есть испытание внешнего давления, исходящего от других.

Понятно, что человек тем более нуждается в этом содействии, в этой духовной помощи со стороны, чем менее его жизнь строится силами очевидности и любви и чем менее он способен к самозаставлению. Самое поведение такого человека, его слова, его волеизъявления, его поступки - вызывают ко всем окружающим о волевой помощи; он сам, может быть, не просит ее - отчасти потому, что не понимает, чего именно ему недостает, и не догадывается о возможной помощи со стороны, отчасти потому, что ему мешает в этом недостаток смирения - дурное самолюбие и чувство ложного стыда. Зато самая жизнь его молчаливо молит о спасении или, по крайней мере, о помощи, и поскольку корень его страдания лежит в безвольной неспособности к самопонуждению - он нуждается не в уговаривании и не в возбуждении любви, а именно в духовно-психическом понуждении. Бесхарактерный человек изнемогает, не справляясь с задачей духовного самовоспитания; ему не удается определить и ограничить себя волею; ему объективно необходима помощь со стороны, и, не находя ее, он предается необуздываемому течению страстей и пороков. Напрасно было бы ссылаться перед лицом этой задачи на «чужого хозяина» и на «личное самоуправление»... Все многое множество людей, не выработавших в себе волевого характера, не имеющих ни «царя в голове», ни властвующих святых в сердце, доказывает каждым своим поступком свою неспособность к самоуправлению и свою потребность в социальном воспитании. И трагедия тех, кто бежит от этой задачи, состоит в том, что она остается для них неизбывною...

Все люди непрерывно воспитывают друг друга - хотят они этого или не хотят, сознают они это или не сознают, умеют или не умеют, радуют или небрегут. Они воспитывают друг друга всяким проявлением своим: ответом и интонацией, улыбкой и ее отсутствием, приходом и уходом, восклицанием и умолчанием, просьбой и требованием, обращением и бойкотом. Каждое возражение, каждое неодобрение, каждый протест исправляет и подкрепляет внешнюю грань человеческой личности: человек есть существо общественно зависимое и общественно приспособляющееся, и чем бесхарактернее человек, тем сильнее действует этот закон возврата и отражения. Но именно поэтому отсутствие возражения, неодобрения и протеста придает внешней грани человеческого существа уверенную развязность, дурную беспорядочность, склонность к безудержному напору. Люди воспитывают друг друга не только деланием - уверенными ответными поступками, но и неделанием, - вялым, уклончивым, безвольным отсутствием ответного поступка. И если, с одной стороны, резкий ответ, грубое требование, злобный поступок могут не исправить, а озлобить того, против кого они направлены, то, с другой стороны, уклонение от энергичного, определенно порицающего поступка может быть равносильно попусшению, потаканию, соучастию. Во взаимном общественном воспитании людей - как младших, так и старших, как начальствующих, так и подчиненных - необходимо не только мягкое «нет» в ореоле уговаривающей любви, но и твердое «нет» в атмосфере наступающего разъединения и вот уже наступившего отрыва. Человек злодействует не только потому, что он злодей, а еще потому, что он приучен к этому безвольным самоуничижением окружающих. Рабовладение развращает не только раба, но и рабовладельца; разнузданный человек разнуздан не только самим собою, но и общественной средою, позволившею ему разнуздать себя; деспот невозможен, если нет пресмыкающихся; «все позволено» только там, где люди друг другу все позволили.

От Бога и от природы устроено так, что люди «вливают» друг на друга не только преднамеренно, но и непреднамеренно; и избежать этого нельзя. Подобно тому как таинственный процесс внутреннего очищения духом и любовью неизбежно, хотя и невольно, выражается во взгляде, в голосе, в жесте, в походке и столь же неизбежно, хотя часто и бессознательно, действует на других умиротворяюще и одухотворяюще - как бы вызывая своим скрытым пением ответное пение; подобно этому энергичная воля действует укрепляюще, оформляюще и увлекающе на окружающих людей, как бы вызывая творческим ритмом - творческий ритм.

Но избегать сознательно и преднамеренно этого влияния можно только в силу беспочвенной мнительности и печального недоразумения. Мнительный человек преувеличенно боится повредить и потому вредит вдвое - ибо он действует нерешительно и действует попуская, возвращая слабоволие в себе и сея безволие вокруг, вызывая в себе самом неуверенность в своей правоте и вызывая в других представление о своей неверности добру. И если он при этом уверяет себя, что он «устранился» и «предоставил» другим делать что угодно, то он в довершение всего обманывает и себя, и их.

Подобно тому как «доказательство» помогает другому увидеть и признать, а сильная, искренняя любовь помогает другому загореться и полюбить, - подобно этому крепкая, формирующая воля помогает другому принять решение, определиться и поддержать духовную грань своей личности. И это происходит не только в том порядке, что волевой акт действует своим непосредственным примером, заражением, наведением, увлечением («суггестия»), но и в том порядке, что воля к чужому волеию помогает безвольному осуществить волевой акт.

К этому участию чужой воли в укреплении и воспитании своей собственной люди настолько привыкают с раннего детства, что потом, приняв это участие и использовав его, забывают о

нем и начинают искренне отрицать его, его значение и его пользу. Сознание или даже смутное чувство, что «другой» человек хочет, чтобы я хотел того-то, всегда было и всегда будет одним из самых могучих средств человеческого воспитания; и это средство действует тем сильнее, чем авторитетнее этот другой, чем определеннее и непреклоннее его изволение, чем вернее оно пред лицом Божиим, чем импозантнее оно выражено, чем ответственнее должно быть решение и чем слабее воля воспитываемого.

Человек с детства воспринимает в душу поток чужого воспитывающего волеизъявления; уже тогда, когда сила очевидности еще не пробудилась в его душе и сила любви еще не одухотворилась в нем для самовоспитания, - в душу его как бы вливалась воля других людей, направленная на определение, оформление и укрепление его воли; еще не будучи в состоянии строить себя самостоятельно, он строил себя авторитетным, налагавшимся на него изволением других - родителей, церкви, учителей, государственной власти, - научаясь верному, твердому волеуправлению. И только всепоглощающая работа бессознательного могла позволить ему впоследствии забыть о полученных волевых благах и провозгласить учение о зловредности и ненужности этих благ.

В процессе духовного роста человечества запасы верно направленной волевой энергии накапливаются, отрешаются от единичных, субъективных носителей, находят себе новые, неумирающие, общественно организованные центры и способы воздействия и в этом сосредоточенном и закреплённом виде передаются из поколения в поколения. Образуются как бы безличные резервуары внешней воспитывающей воли, то скрывающиеся за неуловимым обликом «приличия» и «такта», то проявляющиеся в потоке «распоряжений» и «законов», то поддерживаемые простым и безличным общественным «осуждением», то скрепляемые действием целой системы организованных учреждений. И главная цель всего этого личного понуждения и сверхличного давления состоит, конечно, не в том, чтобы «насильственно», физически принуждать людей к известному поведению: это было бы и неосуществимо, и никому не нужно, да и самое намерение добиться этого не могло бы зародиться у душевно здорового человека. Нет, воспитываемый - и ребенок, и взрослый - остается при всех условиях самоуправляющимся, автономным центром (личностью, субъектом права, гражданином), волеизъявление и почин которого не могут быть заменены ничем внешним. И задача этого воздействия на его автономную волю состоит в том, чтобы побудить его самого к необходимому и духовно верному автономному самопринуждению.

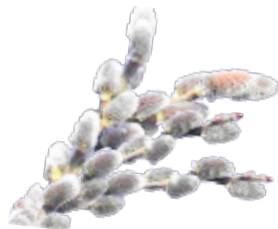
Задача общественно-организованного психического понуждения сводится к укреплению и исправлению духовного самозаставления человека. И это относится не к человеку, уже сильно-му во зле (ему это не поможет), а к человеку, слабому в добре, но еще не окрепшему во зле. Для него - психическое понуждение, идущее со стороны и обращающееся к его воле, может и должно быть могучим подспорьем в деле самовоспитания. Конечно, идея добра и справедливости доступна и его опыту: ибо этот предмет сам по себе открыт всегда и всем людям; но испытание этого предмета, осуществляющееся в акте совести и очень часто дающее людям категорические указания, мало приемлемые для их личного самосохранения, - слишком часто остается отвлеченной возможностью и неосуществляемой способностью. Это испытание требует личных духовных усилий, и от этих усилий человек слишком часто готов уклониться. Психическое давление извне понуждает его или сначала совершить эти усилия, постигнуть во внутреннем опыте законы справедливости и взаимности, строящие здоровое общежитие, и тогда свободно совершить необходимые поступки, или же сначала подвергнуть себя самопринуждению и потом разобрататься в том, что с ним произошло...

И вот необходимо признать, что правовые и государственные законы суть не законы насилия, а законы психического понуждения, преследующие именно эту цель и обращающиеся к автономным субъектам права для того, чтобы суггестивно сообщить их воле верное направление для саморуководства и самовоспитания. В основной своей идее и в своем нормальном действии правовой закон есть формула зрелого правосознания, закреплённая мыслью, выдвинутая волею и идущая на помощь незрелому, но воспитываемому себя правосознанию; при этом именно волевой элемент закона представляет собою начало психического понуждения. Правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления: напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного притяжения и самовменения. Однако он при этом властно понуждает психику человека - и непосредственным импонирующим авторитетом, и формой приказа-запрета-разрешения, и сознанием общественно-организованного мнения, и, наконец, перспективою вероятных, и даже наверное предстоящих неприятных последствий: неодобрения, огласки, явок в суд, убытков, а может быть, и исключения из известного общественного круга, и даже физического понуждения и пресечения». И все эти психические силы (ибо опасение физического принуждения действует не физически, а психически!) - побуждают его сделать те внутренние усилия

для «усмотрения» и «изволения», которые были необходимы, которые он мог сделать, но которых почему-то доселе сам по себе не совершал...

Но если всего этого психического понуждения оказывается недостаточно и понуждаемый все-таки предпочитает не «усматривать» и не подвергать себя необходимому самопринуждению? Тогда остается два исхода: или предоставить ему свободу произвола и злодеяния, признать, что приказ и запрет не поддерживаются ничем, кроме порицания и бойкота, и тем самым придвинуть к порочной и злой воле соблазнительную идею внешней беспрепятственности, или же обратиться к физическому воздействию...

Но, может быть, это и значит воспротивиться «злу злом»? Может быть, не психическое понуждение, а физическое понуждение и пресечение есть сущее зло и путь дьявола?

И. Ильин.

Не зовите меня в Бундестаг!

Не зовите меня в Бундестаг!
 Мне не жалко погибших немецких солдат,
 Что хотели с землёю сравнять Сталинград,
 Этих Гансов и Фрицев, лежащих в могиле,
 Потому что они мою землю бомбили.
 Мне не жалко лоснящихся, наглых и потных,
 Опьяневших от крови безмозглых животных.
 И за хворост, что брошен был в пламя пожара,
 Их настигла вполне справедливая кара.
 Предо мной на столе - желтизна фотографий,
 Где смеются довольные асы Люфтваффе.
 Это те, кто, нарушив святые законы,
 Санитарные подло бомбил эшелоны.
 Наши школы, больницы, дома, магазины
 С их нелёгкой руки превратились в руины,
 А на то, что дышало, любило, мечтало,
 Были сброшены адские тонны металла.
 Мне румын, итальянцев и венгров не жалко!
 И плевать – было холодно им или жарко!
 Все они в мою горькую землю зарыты,
 Потому что убийцы должны быть убиты.
 Я нарочно взвалил эту память на плечи,
 Чтоб вовек не дымили в Освенциме печи.
 Чтоб никто не познал, что такое – блокада,
 Голод, холод и лютая ночь Ленинграда.

Кто-то будет доказывать мне со слезами:
 - Мы – солдаты Германии! Нам приказали!
 Вот и фото детишек, и крестик на теле.
 Мы в России нечаянно! Мы не хотели!
 Пусть они будут клясться, больны и плешивы.
 Только я им не верю! Их слёзы фальшивы!
 Их потомки забудут войны «ароматы»,
 И с готовностью в руки возьмут автоматы.
 Нам, увы, не вернуть наших жертв миллионы.
 Перед нами незримо проходят колонны.
 От начала войны до Девятого Мая
 В наши души стучит эта бездна немая.
 Не осталось живого, поистине, места
 От Мурманска до Крыма, от Волги до Бреста.
 На полях, где гуляли незванные гости,
 До сих пор мы находим солдатские кости.
 Между нами и Западом пропасть бездонна.
 Но Россия не мстит никогда побеждённым.
 Не тревожьте вы Имя Господнее всуе!
 С мертвецами наш гордый народ не воюет.
 Мне не жалко погибших немецких солдат.
 Их порочные души отправились в ад.
 Не зовите меня в Бундестаг! Не поеду!
 И не буду прощенья просить за Победу!

Константин Фролов-Крымский

К 75-летию битвы под Москвой

Победа начинается с того,
 Что ты бросаешь грустный взгляд назад -
 На залпами сожжённое село,
 Куда вступает твой заклятый враг.

Победа начинается, когда
 Иссякли силы дальше отступать,
 Сдавать врагам родные города,
 Друзей в сырую землю зарывать.

Победа создается в тот миг,
 Когда сосредоточен на одном –
 Любое место, где родной звучит язык
 Так дорого, как материнский дом.

Победа прорастает из любви,
 Когда последнее боишься потерять -
 Когда лицом к врагу, а позади
 Осталось то, чего нельзя отдать.

Пускай терзают зимние ветра
 Под Ленинградом или под Москвой;
 Но если за тобою правота -
 Останется победа за тобой.

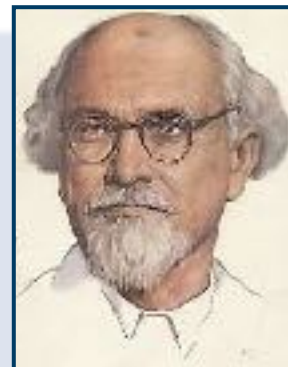
Пусть кажется – во времени сгорят
 Победы, на которых мир мы зиждем -
 Но вспомнят внуки, поблагодарят,
 Когда минует четверть века трижды.

Россия.

Пётр Свистунов.

«Незабудки»

Размышления писателя
о творчестве, искусстве, росте
и формировании личности,
о смысле жизни.

Михаил Михайлович Пришвин

(1873 – 1954)

(Отрывок)
Глава 1

Мать-мачеха

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа. В природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Значит, природа человеку и мать, и злая мачеха. С этого начались все наши сказки...

* * *

У края дороги, среди лиловых колокольчиков цвел кустик мяты. Я хотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветах. Не хотелось расстраивать бабочку из-за своего удовольствия, и я решил подождать немного и стал записывать, стоя у цветка, одну свою мысль в книжку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал, а когда кончил, опомнился - оказалось, что бабочка все сидела на цветке мяты в том же положении.

Но так не бывает! - и чуть-чуть кончиком ноги я толкнул стебелек мяты. Бабочка сильно качнулась, но все-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке?

Осторожно я взял бабочку за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва.

А когда я стал ее тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светло-желтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал ее. А мимо проходили дачники и говорили: «Какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!»

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека рождается чувство гармонии, радости, счастья.

В природе то, что у человека считается постыдным: борьба за существование, пол, бешеная злоба и все прочие прелести бытия - обнажены. Спрашивается, почему же мы, входя в природу, чувствуем радость?

Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это - какое-то чистое и единственное человеческое чувство и мысль, соприкасаясь с природой, - вспыхивает, оживает; сам человек встает весь - происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии.

Итак, милые люди, усталые горожане и дачники, вы правы тем, что не хотите видеть в природе ту самую борьбу, от которой так устали в городе.

* * *

В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек, мало того что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение.

Собака в зеркале видит в себе другую собаку, но не себя.

Понять себя самого в зеркальном изображении скорее всего может только человек.

Вся история культуры и есть рассказ о том, что увидел человек в зеркале, и все будущее наше в том, что еще в этом зеркале он увидит.

* * *

Человек, организуясь в веках, захватывает в состав своего тела всю природу, во всем ее составе, как вселенную, и так, что части, более близкие к животным и растениям, называются телом, а части, более близкие к самому человеку или к тому, что нет в природе остальной и присуще только ему, называются душой.

Многие силы природы, обращаясь у человека в его душу неузнаваемо преображаются. Так, например, ветер, способствующий перенесению пыльцы с мужского пестика на женское рыльце, называют половой страстью в телесном определении, а в душевном - любовью. Во свидетельство такого преобразования любви поэты с незапамятных времен говорят о любовных бурях.

Человек делает машину по образу своему и подобию и части ее называет по-человечески: пальчики, спинка, головка, шейка. Но вот перед ним не машина, а природа, где все само собой делалось и откуда вышел сам человек, - какие имена давать существам природы? В природе нет слова, кроме слов человека, вот почему человек и природу называет своими словами: есть «незабудки», есть даже «анютины глазки».

* * *

Дело человека - высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир.

В природе нам дорого, что жизнь одолевает смерть, и человек в природе подсказывает существование бессмертия и на том торжествует.

В природе осенью все замирает, а у человека в это время рожь зеленеет. В природе жук простой жундит о бессмертии, а у человека - Моцарт и Бетховен.

Счастье везде одинаково: и в природе, и в человеческом обществе. Это неведомая нам рука бросает тысячи семян, чтобы одно проросло, и когда оно прорастает - это счастье.

Так елки сеют своими шишками, осинки, одуванчики. Так тысячи тысяч людей берутся за кисть, за перо, за смычок, чтобы один вырос и дал новый посев.

Даже лишь созерцающий природу мысленно вносит в нее свой порядок. Вот в том-то и дело, что человек, в большинстве сам того не зная, переделывает природу с каждым шагом своим, и сама сущность его революционна. Обижаться на человека нельзя. Потому что наша мера жизни коротка. Мера берется на веру.

* * *

Небо безоблачное, травы достигли высоты, дошли до своего предела и зацвели, кипит жизнь пчел, шмелей, шиповник цветет. Но я, все зная, не смотрю на меру, я царь природы и делаю больше, чем все они. Не надо смотреть туда, в сторону умирания, - надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплощать его - значит творить.

Встречал на лавочке зарю наступающего дня, «равнодушная» природа охватила наш человеческий мир. Это не равнодушие, а большая жизнь, великий путь, предоставленный муравью: иди этим путем - и ты, муравей, станешь тем же самым царем природы, каким показал себя человек.

Долго смотрел я туда, и душа моя, расширяясь, восходила, как на гору, и внизу открывался человеческий муравейник жизни людей «промеж себя».

Это не равнодушие, а большой широкий путь человека.

* * *

Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные - все это части разбитого единого существа. А человек в природе - это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство.

Когда глядишь на цветок в природе, то думаешь - не может такого живого прекрасного цветка создать человек. Когда глядишь на венецианскую люстру, то думаешь - не может природа создать такого бессмертно-прекрасного.

Значит, творчество природы и творчество человека различаются отношением ко времени: природа создает настоящее, человек создает будущее.

Природа раскрывается в наших желаниях: полетел бы! - и видишь летающую птицу, и ей удивляешься; лег бы отдохнуть, - и вот тебе мягкий луг, покрытый цветами.

Но планов человеческих нет в природе: планы человеческие составляют природу самого человека.

* * *

Душа человека похожа на море: вечные бури на поверхности, и в глубине тишина. Как бы я рад был уйти от бурь в тишину, но там, в глубине, и темно, и воздуху нет. Нечего делать! Приходится бурю принять.

Говорят, из моря вышло все, на земле живущее, и море всем мать. Люблю море с берега, но плавать по морю мне скучно: вечно тот же круг горизонта, обнимающий голубое.

Да, я вышел когда-то из моря и обратно туда не хочу. Но с берега я все люблю на море - и бурю и тишину. Люблю на камне сидеть на берегу и думать, глядя в море, о жизни на земле.

Глава 2

Сила жизнеутверждения

Поля пустеют, и по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе.

Выйдешь на крылечко, - такой покой! - и вдруг падучая звезда: обрезано все небо на два полунеба, метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой.

Все даром! Какая масса людей проходит даром, как тени, и кажется, все это не настоящие, не интересные люди. Между тем в действительности все они настоящие, все интересные. Стоит только попасть с любым из них на одну тропинку, как откроется неизбежно их природа в ужасающей силе, и тогда понимаешь действительность, все равно как, глядя на мелькнувшую падучую звезду, догадываешься о действительной, мчащейся природе неба, а не спокойной, как кажется нам.

Город ночью. Электрические фонари кричат упрямо: к свету, к свету, к свету! И небо становится рыжим, и вот, бывает, на этом рыжем проглянет одна маленькая звездочка, и с нею тайное первое движение сердца, и бог знает откуда крикнет птица, подтвердит: так оно и есть... И опять наступит эта тишина, но я слышу, слышу - уже где-то в глубине этажей тикают часы человеческой жизни, и вот загремело первое тяжелое колесо, засвистели фабрики...

* * *

Память художника похожа на ожоги живой души вследствие быстроты движения.

Неудачей, мукой, трудом начинается в природе человек, и только если всю муку грядущую принять на себя вперед, можно говорить о прекрасном мире: дойти до того, чтобы не бояться и быть готовым даже на смерть и через смерть видеть мир вновь сотворенным.

* * *

Милый свет утренний, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее! Тут свет один с тобой, он твой близкий, единственный друг, начинает с тобой новое дело...

Это мое счастье - радоваться солнцу так сильно. А что же есть счастье вообще? Конечно, та же радость бытию (про себя) при всяких, даже ужасных условиях до того, чтобы улыбнуться солнцу при последнем вздохе. Радоваться небу, солнцу, траве, выйти на дорогу, обрадоваться встрече с человеком и разделить с ним путь до его села, и в селе этом чтобы просто обрадоваться всем людям, поговорить, попеть с ними и расстаться так, чтобы дети долго потом вспоминали про веселого странника.

Это счастье никак не связано с удачей, но часто удача бывает от счастья; даже напротив, только измерив жизнь в глубину своей неудачей, страданьем, иной бывает способен радоваться жизни и быть счастливым. Удача - это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину.

Кстати, в мещанских романах с «хорошим» концом описывается всегда удача, а не счастье, и омерзительны они именно тем, что ставят счастье в зависимость от удачи (1920).

* * *

Неудачник - вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачным. Неудачник - это особая мера, тип, мироощущение.

Моя неудача - не есть неудача, потому что я ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это - мое испытание.

Прыгает большими скачками вверх раненный в голову зверь и не движется с места. Смотрю, как прыжки его вверх становятся короче, короче, и когда он совсем перестает, я подхожу посмотреть: какой он большой!

Моя радость охотника борется, не оставляет места для жалости, и пусть: через это я призываю быть равнодушным и к своей неизбежной будущей смерти, - ведь тоже когда-нибудь

растянусь... Одно только страшно, что кто-нибудь так же тогда подойдет, посмотрит и скажет: «Какой он был маленький!»

У деревьев нет докторов, помощи ждать неоткуда, и они сами себя лечат, затягивая раны свои душистой смолой. Бывает, рана давно затянута, а смола все бежит и, скопясь, превращается в ком. Я этот ком обыкновенно завязываю в уголок носового платка и пользуюсь, как духами, здоровыми для дыхания и мне очень приятными...

Так вот и вы, любители природы, когда в лесу рассеянно берете в руку кусочек смолы и наслаждаетесь ароматом целебного бальзама, то помните - этим бальзамом лечатся деревья.

Скрытая сила (так и буду ее называть) определила мое писательство и мой оптимизм. Моя радость похожа на сок хвойных деревьев, на эту ароматную смолу, откуда-то наплывающую при поранениях: - от сильной душевной боли рождается скрытая сила поэзии.

Там, где самим хорошо, редко двери бывают открыты для гостей. Вот почему поэзия и не бывает в «хороших домах» уверенных и довольных людей.

Голодный повар - как это может быть? А вот бывает же: поэт похож на голодного повара, - он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным. И что ужасно, как будто оно в отношении писателя так и должно быть: сытым писателя так же трудно представить, как голодным повара.

На реке вечером был холод, но цвела черемуха и соловей пел: соловью только бы цвела она...

Вот это утонченное наслаждение поэта петь и в бедности, и при всяких самых дрянных условиях - многие принимают за добродетель.

* * *

Ты, соловей. Сколько страданий, сколько горя, сколько отупения в бессмысленном каторжном труде, и усталости мертвой без утешения, и расставанья безвозвратного... Но ты, соловей, пой! Ночная птица соловей поет, слышат все, а певца не видно. А если и увидишь при свете, то что прибавит к песне вид серенькой птички?

Смерть токовика. Свинец попал ему в бок и поразил сердце, но он, верно, подумал, что это ударил его противник, потому что подпрыгнул и упал, и крылья его уже хлопали в агонии, а он, из горла вырывая звук любви, токовал...

* * *

Читатель, как ближний по духу и дальний по расстоянию. Тот и ближний, которому пишешь, кого ждешь к себе, тратя дни, ночи, всю силу ума и сердца. Этот ближний находится от писателя дальше всех: вот оттого так и трудно вызвать его, оттого художник седеет, желтеет и морщится в его ожидании, потому что он, ближний по духу, и есть дальний по расстоянию...

Не знаю, будет ли это верно для всех, но мне так представляется, что вся наша радость на земле бывает от друга, если же кому не удастся найти себе друга среди людей, то иной делает себе друзьями животных - от кошек и собак и до всего сущего, так что обнимает дружески все на земле: и солнце, и луну, и горы, и мельчайший жгутик подорожника на своей тропе.

Таких людей, не умеющих устроить себе счастье, таких обиженных, что их даже не замечают, называют, смотря по силе способности, чудаками или художниками. Их большое значение в том, что, созерцая их творения, в сущности, счастливые люди начинают замечать свое счастье, понимать его и делать жизнь на земле.

Иногда, записывая что-нибудь себе в тетрадку, как будто опомнишься - кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определенно чувствую, что именно делаю: я сверлю.

Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи. Есть конец этому сверлению.

Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, - это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе.

* * *

Из ранних дневников. Все, что я думаю, - было думано и передумано. И я могу лишь дать другие оттенки тому же самому. Сущность жизни неподвижна. Формы ее изменчивы. Мы все работаем над изменением ее формы. Когда человек любит - он проникает в суть мира...

Вижу край зеленой одежды мира. Хочу о ней писать, хочу ловить все, что летит, и вьется, и реет вокруг. Дальше и дальше от центра. Все ловить. Все хватать. И всегда беречь в глубине души тайную тягу к тому, что скрыто под зеленым покровом. Никогда не называть это. Вечно чувствовать. Называть только то, что вокруг, что вьется. Тогда будет Поэзия...

Отдать себя жизни, пусть ранит она сердце, - чем больше ран, тем глубже свет. И каждый человек будет открытая книга, и по одному звуку голоса другого человека будешь сразу узна-

вать, кто он такой, что с ним было, и чем он мучится, как он ранен... А то можно забить себе в голову гвоздь, и так с гвоздем всю жизнь прожить и ничего не узнать...

Первая и самая большая радость, которую я себе позволяю, это доверие к людям. Быть как все. Страдать оттого, что я - не как все...

Я один. Я слышу, как бьется мой пульс. Я вижу, как я тихо качаюсь от его ударов. Я слышу дыхание лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со мной. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром. Звезды зажглись. Тайна легла над землей. Господи! Оставь так! Оставь меня таким, как я есть, как я сейчас. Господи, дай мне силы не оторваться и встретиться вместе со всеми Солнце! (1905–1912).

* * *

Всякое творчество похоже на поиски голоса в радиоприемнике: когда находят согласную волну - слышится голос. Так и творящий человек лично ему только данную волну (талант) приводит в согласие с одной из волн, существующих вне его, исходящих из неизвестного мира, похожего на большую радиостанцию.

Это согласие является одним как ритм, другим как смысл и мера всему, но тем и другим при этом слышится голос извне, как при согласной волне слышится голос с радиостанции..

Пространство и время - это когда смотрят на сторону. А в себе, внутри, в душе - в самой личности человека - там нет ни пространства, ни времени. «Моя птичка, - говорится о мечте в киргизской загадке, - в одно мгновение долетает до рая».

В душе и мечте нет времени, но мечта в полете своем встречает препятствия, и их периодическое повторение создает то, что мы называем временем и пространством.

Но не все из души уходит навстречу препятствиям. Есть, как мы говорим, что-то «за душой» у человека, лежащее вне пространства и времени. И это то самое, на что мы глядим и равняемся, с кем советуемся в глубине нашей и о ком каждый из нас может сказать: это ты, мой друг!

Искусство наше словесное, живопись, зодчество, скульптура и все другие являются в мелкой жизни маяками, светом большого единого духа.

Поведение или метод в искусстве - это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души, как на другую планету. С другой стороны, душа человека вообще одна, и сигналы какой-то души - есть сигналы единства.

Как это выходит, что человек бросает всех своих близких, родных, друзей и всю свою душу открывает совсем незнакомому человеку с ясной верой в то, что с близким жизнь изживается, а начинается настоящая жизнь за пределами нашего повседневного опыта и связей?

* * *

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло. Значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть личностью, чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто индивидуум знает только себя.

Индивидуализм - есть подчеркнутая слабость.

Прощай, снежок, ты растаял, и больше мы с тобой никогда не увидимся. Придет зима, и придет с ней, конечно, снег, но это будет другой снег, а ты больше никогда не вернешься. Прощай навсегда!

И дым из трубы, и это облако, и все - все пройдет, и перед собственной смертью ты будешь один, - вот это и страшно, что все, все, связанное с тобой, пройдет, не будет даже твоей могилы, когда совсем ничего от тебя не останется, а ты все будешь повторять: я-я-я!

Капля и камень. Лед крепкий под окном, но солнце прогревает, с крыш свесились сосульки - началась капель. «Я! Я! Я!» - звенит каждая капля, умирая. Жизнь ее - доля секунды. «Я!» - боль о бессилии.

Но вот во льду уже ямка, промоина, он тает, его уже нет, а с крыши все еще звенит светлая капель. Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!» Камень большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет здесь лежать, а капля живет одно мгновение, и это мгновение - боль бессилия. И все же «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только долбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

* * *

Знаешь ли ты ту любовь, когда тебе самому от нее нет ничего и не будет, а ты все-таки любишь через это все вокруг себя, и ходишь по полю и лугу, и подбираешь красочно, один к одному синие васильки, пахнущие медом, и голубые незабудки?

От холода все остановилось, и в особенности это заметно на липах: листья кучками вышли из почек и не расходятся. Но мне так хорошо теперь идти по лесной тропе! Мне кажется, все существа в природе остановились и обратили на меня внимание, и все, советуясь друг с другом, по-своему говорят: «Подождем старика, пусть он нас догоняет!»

Вот почему я всегда так хорошо себя чувствую в майские холода, весна в ожидании меня задерживается, позволяя мне поближе к ней подойти. Есть у меня для молодежи своя собственная мысль, и я знаю, не без пользы для себя они меня поджидают.

Мне хочется им сказать, что здоровье человека не в сердце, не в почках, не в корнях, не в листве или в спине. Конечно, слов нет, хорошо человеку, если у него все это тоже здорово, как у быков. Но самая суть чисто человеческого здоровья это, когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне - то должно быть и всем хорошо. Если поблизости нет человека, чтобы вместе порадоваться, то один пишет другому письмо или поет ему песенку. Так здоровый человек встречает весну, хотя пусть он на костылях, или ему много лет, и за молодым бежать он не может.

Это нужно понять молодым, что при утрате чего-нибудь внешнего в человеческом здоровье образуется внутри него какая-то замена, и часто замена эта ведет его к такому лучшему, что о старом он не горюет и молодым не завидует.

Так и в лесу в майские холода: мне кажется, что молодежь мысль мою о человеческом здоровье понимает, и все останавливается и поджидает меня, чтобы я об этом сказал.

Я это знаю во время творческого подъема и даже просто благоговейного труда: так бывает здорова душа, что тело и вовсе не чувствуешь.

* * *

Термос души. Черемуха все еще только зацветает. Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана Царевича с Марьей Моревной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновение я вдыхаю в себя ту любовь.

И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, не лишается желания поднести ландыш к носу. Мало того! Он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом...

Поэзия сложнее аромата цветка, но и она близка к способности человека возмещать утраченное. Есть радость, когда никого не надо и ею насыщаешься сам в одиночку. Есть радость, когда хочется непременно ею поделиться с кем-нибудь другим, и без друга почему-то эта радость не в радость и может даже обратиться в тоску.

Друг мой! Я один, но я не могу быть один. Как будто не падающие листья шелестят над головой моей, а бежит река живой воды, и необходимо мне дать ее вам. Я хочу сказать, что весь смысл, и радость, и долг мой, и все только в том, чтобы я нашел вас и дал вам пить. Я не могу радоваться один, я ищу вас, я зову вас, я тороплюсь, я боюсь: река жизни вечной сейчас уйдет к себе в море, и мы останемся опять одни, навсегда разлученные.

Я кричу! Но мой крик в золотой пустыне возвращается ко мне обратно, и я, как первобытный дикарь, древнейший человек, делаю из глины первый сосуд и заключаю в него для друга моего перебегающую жизненную силу. И это все равно: там была вода и глина, теперь у меня дух мой и слово, и я из слова делаю форму.

* * *

Прошел по Якиманке и заглянул во двор дома 42, где в сарае столько лет стоял мой автомобиль. Было что-то в моем многолетнем увлечении автомобилем большее, чем заслуживает от человека вещь. Только прошлый год я догадался бросить машину и ездить просто в такси. Такая обуза свалилась с меня, и как приятно чувствовать свою жизнь без машины!

А жизнь? Если с годами придет время и я почувствую, что пора бы расставаться с этой своей машиной? Это мне кажется хорошо, и это просто счастье дожить до того, что с жизнью станет не жалко расставаться.

Но вот странность: жизни не жалко, но если я представлю себе, что придет когда-нибудь время и я брошу перо, то мне кажется это невозможным и недостойным себя жить без охоты писать. Мне кажется, эта охота моя больше жизни...

Дым из трубы поднимается вверх, высокий, прямой и живой, а снег падает, и сколько бы ни падало снегу, дым все поднимается. Так вот и я себя в жизни чувствую, как дым. Ничего тебе не сделать, ты пропадешь, если только не поставишь свою лодочку на волну великого движения, и твое личное «хочется» не определится в океане необходимости всего человека. Так ли я думаю?

Вокруг меня лес, и могучие стволы столетних деревьев, и цветы внизу, и папоротники, и мхи, и ручьи, и птицы сверху глядят на меня, и белка играет тяжелыми шишками. Все так понятно, все подтверждается и выговаривает: «Ты правильно мыслишь!»

Прихожу и становлюсь на работу среди людей и смотрю на их дело и на свое: все правильно. Топи, топи, Михаил, все эти мысли в действии, держись простоты «Кладовой солнца», всем

понятной. Пусть у тебя будет разговор со всем народом, с людьми образованными и необразованными, старыми и молодыми, русскими и нерусскими.

* * *

Сегодня после теплого небольшого утреннего дождя так чудесно в природе, и так хочется писать! И так нужно писать, именно когда самому хорошо, иначе непременно поведет перо на сомнение или на какую-нибудь дрянь. Мне кажется, что когда самому хорошо, тогда и явится из-под пера что-нибудь свое и новое, а то будет или пессимизм, или перепевы.

Точно, как вчера, погожий день вышел из тумана, а ночь была лунная. Погода и благодарность - родные: одна родилась в природе, другая - в душе человека. И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности.

И вот в это чудесное утро благодарю за чудесные темнеющие стручки акации с ее маленькими птичками, и нагруженные подарками для белок еловые вершины, и за всякую вещь, переданную человеку от человека: за стол, за табуретку, за пузырек с чернилами и бумагу, на которой пишу. ...И так во все это росистое утро радость прыгала во мне и не смущала печаль человеческая. Чего мне и вправду смущаться, если так рано, что все горюны еще спят. Когда же они проснутся и загорюют, обсохнет роса, и тогда я еще успею печаль их принять к сердцу. Горюны всего мира, не упрекайте меня!

Охота на дупелей. Рожь молотят. Со всех сторон слухи: дупеля показались. Там видели одного, там двух. Это значит, наступила собственно охотничья осенняя пора. В отношении дупеля я испытываю такое же трепетное состояние, как весной, но только в этой тревоге есть большая разница: тогда боишься, что не только вся весна, а вся жизнь, собранная в эту весну, мимо пройдет, и мечешься из стороны в сторону, хватаясь за все, как бы не упустить, как бы не упустить! При начале осени, напротив, предмет тревоги точно определен: боишься только, как бы не прозевать дупелей! А все остальное в начале осени является как достижение, как момент усиленного раздумья после трудов.

Мне дорог в это время заутренний час, я счастлив, что до рассвета теперь могу час провести с лампой в ожидании утра. Но особенно дорог утренний полумрак возле болота.

На темнотырьке я стою, прислонившись к пряслу, отделяющему ржаное сжатое поле от болотного кочковатого луга, и время от времени прикидываю ружье на небо и землю, проверяя, видно ли мушку. Я знаю по опыту, что на рассвете больше найдешь дупелей, - мне представляется, будто они на рассвете рдятся из тьмы и росы.

Вот я пустил собаку и начинаю действовать, мне больше некогда предаваться созерцанию; вот пастух заиграл, через час, много через два, выйдут коровы. Конечно, я слышу очень хорошо, что бормочет осенний тетерев и что кричат журавли и летят надо мной; и это не пропадает - что розовый свет, и голубой свет, и зеленый свет вокруг меня, и показывается, значит, солнце.

Я всей душой чувствую нежное, и бодрое, и раздумчивое, и умное утро, но я действую, я сам только что родился из тьмы и росы, - я действую, мне надо спешить!

Вот режут коровы, вот впереди показывается подпасок, за ним красные коровы, потом черные, потом бурые, - много коров, много овец, а сзади старик пастух с огромной трубой. Идите, идите, луг очищен мной! Я сажусь на кочку, отдыхаю и закуриваю.

Как хорошо в предрассветный час полуодетому прямо с постели открыть дверь, выйти во тьму, захватить пригоршню пушистого, только что вылетевшего из облаков снега, потереть им лицо, шею и вернуться в теплый дом: какой у снега в этот утренний час бывает аромат! Да, если дома тепло, и можно быть сытым, и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета.

* * *

Некоторые приписывают мой хороший вид питанию и воздуху! «Вы прекрасно выглядите, наверное, по своему обыкновению, в лесу живете. Как охота?»

Я всегда вежливо отвечаю, что лес и охота самые лучшие условия для здоровья... Мой лес! Моя охота! Если бы только побывали они в болотных комариных лесах, часами бы погуляли под песни слепней! И тоже - охота моя! Внешней обыкновенной охотой я скрываю, оправдываю в глазах всех мою внутреннюю охоту. Я охотник за своей собственной душой, которую нахожу, узнаю то в еловых молодых шишках, то в белке, то в папоротнике, на который через лесное окошко упал солнечный луч, то на поляне, сплошь покрытой цветами.

Можно ли за этим охотиться, можно ли кому-нибудь об этом прямо сказать? Прямо никто не поймет, конечно, но когда имеешь цель убить куропатку, тогда под предлогом куропатки можно описывать и охоту свою за той прекрасной душой человека, которая частью приходится и на меня. И вид мой хороший («прекрасно выглядите») происходит не от воздуха болотных лесов и не от питания: оно самое обыкновенное. Я надеждой живу и радостью своих находок, и я имею возможность этим питаться, потому что более или менее хорошо подготовился на тот случай, если на вопрос мой кукушке о том, сколько мне жить, она, не докончив свое «ку-ку», ответит мне «кук» и улетит.

Чтобы лес стал как книга, - нужно сначала не по верхушкам глядеть, а нагнуть голову и вникнуть в мелочи. Это не очень легко, потому что хочется смотреть на вершины. Много нужно в себе пережить, чтобы захотелось с любовью и радостью глядеть себе под ноги. Надо, чтобы стало тесно в себе, и очень больно от этого, и почувствовать малость свою, и возненавидеть претензии вместе с птицами летать по вершинам.

Тогда в глубокой уничтожающей тоске опускаешь глаза и встречаешь маленькое чудо какое-нибудь - вот хотя бы этот папоротник с такими сложными листьями, такой нежной зеленью, и, самое главное, что он, достигнув теперь уж значительной высоты, до сих пор не может совсем выправить то колечко своей верхушки, которым он пробивал себе путь из-под листвы. Я увидел его тогда и обрадовался, вспомнив при этом пушкинского богатыря-младенца, как он понатужился, выбил дно из бочки и освободился.

После долгого удивленного разглядывания внизу попала пушинка в глаз, захотелось вверх посмотреть и вот тогда открылись вершины во всех своих подробностях, во всей своей красоте. Так нашелся выход из себя.

* * *

В лесу не в полночь бывает самое темное время, а перед самым светом.

- Как темно! - скажет кто-нибудь.

И другой ему отвечает, поднимая голову:

- Темно? Значит, скоро будет светать.

Иду вперед силой веры своей в лучшее, а путь расчищаю сомнениями.

В мыслях у людей бывают сомнения, предваряющие утверждение: человек сомневается лично, а к людям приходит уже со своим утверждением. Так точно и в жизни у людей бывают постоянно несчастья, и сильные люди переносят их легко, скрывая от людей, как сомнения.

Но когда после неудачи приходит радость, то кажется всегда, что эта радость нашлась не только для себя, а годится для всех. И радостный, счастливый человек бьет в барабан.

Так, сомнения, неудачи, несчастье, уродства - все это переносится лично, скрывается и отмирает. А утверждения, находки, удачи, победы, красота, рождение человека - это все сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения.

Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения.

М. М. ПРИШВИН.

Покой - это когда тебя не тревожат лишние мысли.

Когда ты не беспокоишься, что завтра может произойти то, чего тебе не хочется.

Когда тебе не нужно идти туда, куда ты не хочешь.

Когда то, что ты делаешь, — это и есть радость.

Это когда ты перестаешь анализировать окружающий мир и понимаешь - он просто есть.

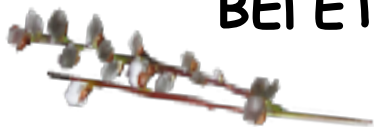
И ты - просто часть него. И на этом все вопросы замолкают.

И вот если этот покой внутри найден, то можно и другим дарить это спокойное, умиротворённое, радостное состояние своей души.

«Земля дождей»

ВЕГЕТАРИАНСКАЯ ПАСХА

(Пасхальный фельетон)

Пасхальный фельетон надо писать с лирическими переливами в интонациях.

Тут обязательно нужно, чтобы был звон колоколов, чтобы трепетало пробуждение природы и чтобы была девушка с такими губками. Пасхальный фельетон - не новогодний фельетон: тут на пьяном визитёре не выедешь, на таком свинтусе с килькой в петлице.

Хотя совсем без визитёра тоже обойтись невозможно. Читатель обидится: «Что это, - скажет, - за Пасха такая, если без визитёров? Что это за фельетон?.. Над кем же смеяться? Над собой, что ли, смеяться?..»

Но визитёр на Пасху должен быть трезвым. Впрочем, совсем трезвым он тоже быть не может: «Что это, - скажут, - за визитёр такой, если он не пьёт? Или ему нигде не подносят? Что за намёки? Неужели, мол, на двадцать первом году эмиграции российский беженец дошёл до такого положения, что он уже не в состоянии и угостить визитёра?». И могут начаться неудовольствия и даже последствия...

Так что я с лирическими переливами в красках расскажу об одном пасхальном визитёре не то, чтобы о пьяном, и не то, чтобы трезвом, но, так сказать, - «вполсвиста».

Он, знаете, захотел нанести визит своему приятелю И.М. Облаткину, которого жена не пускала по визитам. Она, понимаете, по убеждениям была вегетарианкой и, состоя в этой масонской секте, не могла переносить, чтобы Иван Михалыч, по убеждениям - рыбак и выпивоха, кушал бы разные жареные трупы и надувался бы спиртуозами.

И мой визитёр, будучи вполсвиста, рискнул отправиться в этот вегетарьянский дом. В столовой по стенам были развешаны разные масонские плакаты: «Я никого не ем!» «И дышленок хочет жить!» «Пей бузу и будешь здоров!» И прочее, и тому подобное...

Но стол был накрыт. Пасха стояла, кулич стоял. Но всё иное было вегетарьянское, - разные какие-то салаты, какие-то дрожалки, какие-то, я извиняюсь, отвары. Всё-таки, между прочим, на столе красовались и три бутылки, и это несколько подняло дух моего героя.

Марья Петровна говорит:

- Очень рада. Вы - первый. К нам, знаете, к вегетарьянцам, визитёры ходить не любят. Но, между прочим, вы к нам удачно попали. Я по рецепту знаменитой вегетарьянки Нордман-Северовой, покойной жены покойного Репина, приготовила изысканное вегетарьянское блюдо: котлеты из берёзовых опилок, вываренных в миндальном молоке...

Визитёр говорит:

- Это, - говорит, - замечательно, наверное, вкусно, но, понимаете, такая жалость, мне доктором запрещено кушать разные опилки, щепки и чурки. Мне бы вот под этот огурчик выпить бы...

Мадам говорит:

- Отчего, прошу! Вот этой зелёной? Это взвар валерианового корня, - очень помогает для задерживающих центров. Пожалуйста!

Тут Иван Михалыч Облаткин фыркает, а визитёр пугается. Он говорит:

- Мне, - говорит, - простите, нечего свои задерживающие центры задерживать, они и без того держат. Вы уж лучше мне вот этой беленькой нацедите.

Мадам говорит:

- Отчего же, можно! Это «кали иодати». Отлично понижает кровяное давление.

Иван Михалыч обратно фыркает, а визитёр начинает несколько паникёрствовать.

Он говорит:

- Мне, Марья Петровна, кровяное давление нечего понижать. У меня, может, его повысить следует. Вы уж, будьте благосклонны, плесните мне лучше вон из той оранжевой посуды.

Но, уже ничему на этом столе не веря, он бутылку сначала к себе тянет. И читает на ней «Кали бромати». Тут на визитёра нападает столбняк, он уже не отдаёт себе отчета в окружающем и даже не видит, что И.М. Облаткин ему многозначительно подмигивает. Визитёр, нарушая законы приличия, хочет котлету из опилок в миндальном молоке скормить псу Тобику, но Тобик котлету не жрёт и от неё отплеивается.

Тут Иван Михалыч говорит супруге:

- Вот, дорогой наш гость скушал свою котлетку и, видимо, стесняется попросить вторую. Ты бы, милая Маша, ещё ему положила...

Но Маша всплескивает руками.

- Ах, какая жалость! - говорит она. - Ведь, котлетки-то из опилок все! Не к Бородину же на склад за опилками посылать, да и закрыт он, поди.

Но Иван Михалыч её успокаивает:

- Ты хоть щепочек каких-нибудь отвари, - советует он ей. - Или там стружек, что ли. А то вчерашнее берёзовое полено в духовке разогрей. Он, поди, такого жаркого ещё отродясь не пробовал... А мы подождём, мы пока что вот этого киселя из сенца похлебаем.

И опять подмигивает визитёру. А тому всё равно. Он от огорчения даже протрезвляется.

Хозяин же достаёт из вилочного ящика почти полную бутылку «антипаса» и раскрытую коробку сардин Кано. Он выплёскивает «кали бромати» в цветочный горшок и переливает в бутылку водочку. И говорит визитёру:

- Ну, душа моя, приступим по-христиански!

И картина сразу преображается. Получаются весёлые разговоры о близких рыбалках, о разных приключениях ранней молодости и о всём прочем, о чём при супругах не говорят...

Но вдруг появляется Марья Петровна с фрикассэ из стружек, и чудное времяпрепровождение несколько нарушается, ибо хотя «кали бромати» и можно пить невозбранно и даже похвалить, но сардины прикрыты салфеткой, а какая же выпивка под жареные сосновые стружки. Но Иван Михалыч и тут находится:

- Посмотри, дорогая моя, - говорит он супруге, - как дивно играет, переливая лучи, сегодня солнышко! Да ты, моя радость, подойди к окошку и, не торопясь, всматривайся в эту непередаваемую красоту. Это же вполне вегетарьянское занятие - любоваться такой красотой! А мы не обидимся, что ты повернулась к нам спиной. Ничего!..

И пока Марья Петровна любит переливами солнечных лучей, визитёр и хозяин невозбранно и с удовольствием закусывают «кали бромати» сардинкиными трупиками.

Собственно, и всё.

Лирические переливы в фельетоне есть, и визитёр не особенно пьян. К тому же и хозяйка чрезвычайно довольна.

- Вот видите! - говорит она прощающемуся визитёру. - Посидели, мирно побеседовали, успокоились... - ишь, ведь, целую бутылку «кали бромати» вдвоём выпили! И вернётесь вы домой трезвым, тихим, пайнкой. Право, переходите-ка в наш вегетарьянский лагерь, а?

- Об-язательно! - слегка пошатываясь, соглашается визитёр. - Особенно, если мы с Иван Михалычем сейчас за «кали иодати» примемся... Э? Под ветчину а ля Лев Толстой... из ножки вашего уважаемого рояля... Христос Воскресе!

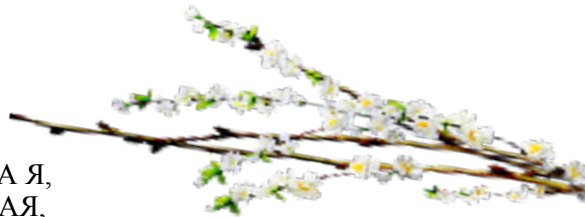
Н. Рахманов.

Харбин, жур. "Рубеж" № 17, 1938 г. (24 апреля).

...А я певица молодая и НЕСПЕЛАЯ,
И песню лучшую свою еще НЕ СПЕЛА Я,
Слегка застенчивая, робкая, НЕСМЕЛАЯ,
И слова громкого произнести НЕ СМЕЛА Я...

* * *

Пока еще не очень ПОЖИЛАЯ,
Но все-таки на свете ПОЖИЛА Я,
А ежели слагается стихок,
То порох есть! Хотя бы порошок...

Т е р п е н и е

Терпение - это вовсе не состояние скота, который всё терпит.

Это не унижение человека - совсем нет.

Это не компромисс со злом - ни в коем случае.

Терпение - это есть умение сохранять невозмутимость духа в тех обстоятельствах, которые этой невозмутимости препятствуют.

Терпение - это есть умение идти к цели, когда встречаются на пути различные преграды.

Терпение - это умение сохранять радостный дух, когда слишком много печали.

Терпение есть победа и преодоление, терпение есть форма мужества...

- вот что такое настоящее терпение.

прот. Александр Мень.

НА ЧУЖБИНУ

Кучер с трудом остановил разбежавшуюся тройку, привстал на козлах и, вытянув шею, глядел вперед и по сторонам.

- В объезд надо брать... не проехать, - решил он.

- Да что тут такое? откуда столько наехало? - удивленно спросил Накатов и тоже приподнялся в экипаже, держась одною рукой за металлический ободок козел.

Под яркими лучами летнего солнца, на большом протяжении между станционными зданиями и длинным рядом постоянных дворов, питейных заведений, колониальных и других лавок копошилась, гудела и скрипела колесами сотни телег многоголовая, беспорядочная толпа крестьян. До слуха Накатова доносился только смутный, неумолкаемый гул, из которого случайными отдельными звуками вырывались то ржанье коня, то плач ребенка, то бабий визг или отрывок удалой песни.

- Что тут такое? - спросил опять молодой человек, обращаясь к проходящей бабе. Та, видимо, спешила и, не останавливаясь, кинула на Накатова тревожный взгляд.

- Переселенцы, батюшка, переселенцы. Девяносто дворов.

- Куда? - крикнул он ей вслед.

- В Оренбургскую... Тетка тут у меня, попрощаться бегу. - И она действительно побежала и сейчас же затерялась среди толпы.

- В объезд, значит? - спросил кучер.

- Пойдем пешком, Катя, - предложил Накатов, оглядываясь на сидящую рядом с ним девушку. Та, видимо, колебалась.

- Ну пойдем! - согласилась она, - с тобой не страшно.

Они быстро выпрыгнули из экипажа и, взявшись под руку, направились прямо через толпу к станции.

- Взгляни, Катя, все пьяно! - с оттенком досады и брезгливости сказал Накатов. - Едут бог знает куда, набрали кое-какие крохи, и как набрали! Дома свои, скотину, весь скарб свой за полцены сбывли и теперь пропивают все, до копейки! - Молодой человек пожал плечами и нахмурился.

- Народ, народ! Наш умный, добрый русский народ!

Он сделал широкий жест свободной рукой и усмехнулся. Они стояли уже среди толпы. Не общий гул, а отдельные, резкие звуки раздавались в их ушах. Вдоль и поперек дороги как попало стояли телеги; одна из них ушла двумя задними колесами в канаву, и тощая лошаденка тщетно силилась вытащить ее на ровное место. На телегах и рядом с ними прямо на земле сидели и стояли мужики и бабы, лежали мешки, узлы... Почти все мужчины были пьяны: одни шатались, кричали, пробовали плясать и петь песни, другие, уже окончательно опьяневшие, лежали на земле без голоса и без движений. Попадались и пьяные бабы.

- Зачем это они? Зачем? - прошептала Катя.

- Эй! барин! - весело окликнул Накатова молодой мужик. - Прощай, барин!

Сильно пошатываясь на ногах, скинул он с головы шапку и уронил ее на землю.

- Хороший барин! прощай!

Молодой человек засмеялся.

- Прощай, брат, прощай! - ответил он и прошел дальше.

- Эй, прощай! - кричал ему вслед веселый мужик.

Он нагнулся, чтобы поднять свою шапку, но, не дотянувшись, отшатывался от нее, как от заколдованной. Кругом хохотали.

- Ну-ка, подступись к ней! подступись!

На одном возу сидела женщина; она обнимала детей, а глаза ее глядели в пространство, остановившиеся, полные отчаяния и ужаса.

- Тетка! - крикнул ей кто-то, - хозяйина подбери! Забудешь, неравно... Во-он там у заборчика без задних ног валяется.

Она бессмысленно повела глазами на говорившего и опять уставилась ими перед собой.

- О, Вася! - сказала, девушка. - Ты видел, какие глаза?

Накатов нахмурился.

- Оглянись, Катя, - сказал он, - оглянись и скажи по совести: ну, не смешны мы все с нашей горячеей защитой за наш милый, умный народ? Не смешны мы все с нашим постоянным величием и расхваливанием его? О, великая душа русская! Полюбуйся, полюбуйся же теперь на этого безвольного... зверя. Дорвались! Всю прошлую жизнь, все потом и кровью нажитое, скопленное, все, что еще могло кое-как обеспечить близкое будущее, все, все с легким сердцем отдается за стакан водки. Жены, дети... Ни жалости, ни страха... Что же, скажи: опять жалеть? опять оправдывать? Нет! нет! меня они возмутили, озлобили...

- Вася! - кротко перебила его сестра, - а если это безнадежность? В прошлом - одно горе, нет веры в будущее, и только минута... минута забвения в их власти.

Накатов нетерпеливо пожал плечами.

- Да, да... Опять только жалкие слова. Всегда только жалкие, жалкие слова!

- Но кто же виноват! - совсем уже тихо ответила Катя.

В двух шагах от них стоял пожилой мужик и, сморщив озабоченно лоб, считал что-то по растопыренным пальцам своей корявой, мозолистой руки. Он тоже был пьян, но выражение лица его было сумрачно, почти злобно.

- За телку, говорит, за телку накидываю, - бормотал он, - а всего шесть с полтиной. - Он стал загибать пальцы левой руки и, не досчитываясь одного, опять растопырил их и с недоумением оглянулся кругом.

- Али обронил палец-то, дядя? - весело расхохотался мальчишка-лавочник, перебегая через дорогу с пустой бутылкой в руках. Мужик злобно покосился на него.

- Зубы побереги, зубы! Вот я барина спрошу... Барин! спросить вас надо: Бухтеру знаете?

- Чего? - переспросил Накатов.

- Бухтеру эту самую, Бухтеру! - повторил мужик.

- Что такое Бухтера? - недоумевал молодой человек.

- Так не знаете?

- Не знаю.

- Так чего же толковать, если не знаете? чего толковать? - неожиданно рассердился мужик.

- Вот тоже! толкует чего не знает! Барин, а не знает.

Накатов невольно засмеялся.

- Нет, ты не толкуй! - уже угрожающим тоном кричал мужик. - Не толкуй, чего не знаешь! Ишь толкует!

- Да ведь это он про Оренбург! Оренбург... Вот про Что он спрашивал! - внезапно догадался Накатов и даже остановился. - Бухтера! - горько усмехнулся он, - названия простого и того не знают, недослышали. Едут тоже... Бухтера!

Около самой ограды станции лежал мертвенно пьяный. Он закинул голову, и солнце жгло его налившееся кровью, побагровевшее лицо.

- Хозяин! - все с той же усмешкой кивнул на него Накатов. Катя вздрогнула и отвернулась: ей вспомнилась женщина с остановившимся взглядом и двумя ребятами на руках.

Станционный двор и платформа были тоже запружены народом. Брат и сестра вошли в общую залу и стали у открытого окна. Мимо них по платформе поминутно пробежал озабоченный начальник станции и другие люди в форме станционных служителей. Запыхавшийся, совершенно растерявшийся земский начальник подбегал то к одной группе крестьян, то к другой. Лицо его было красно и потно, он беспрестанно отирал лоб платком, а из груди его вырывались хриплые, бессильные звуки. Он увидел Накатовых и закивал им головой.

- Знаете, - говорил он через минуту, подбегая к окну и пожимая руки брату и сестре, - я, кажется, лучше согласился бы везти их вместо паровоза. Видели? Что с таким народом поделаешь! Сейчас будут подавать поезд. - Он опять торопливо пожал Накатовым руки и убежал во двор.

- И здесь все то же! - с возрастающим чувством досады говорил Накатов. - Все те же бессмысленные пьяные лица, все тот же гвалт и бестолковая суэта.

Больше всего шумели и суетились бабы: одни тащили за собой детей, мужей, волочили мешки, узлы; другие сидели на этих мешках и, пригорюнившись, подперши рукой щеку, причитали и голосили на все лады. Были и более спокойные: одна еще очень молодая, красивая женщина безмолвно припала головой к сухой груди одетой в рубище старухи. Кто из них уезжал, кто оставался? Лицо молодой женщины было страшно бледно, глаза закрыты; старуха глядела в небо, и в глубоких морщинах ее потемневшего лица застыли слезы. Со двора доносился хриплый голос земского начальника; кричал он, кричал еще кто-то, а на платформу народу прибывало все больше и больше; точно надвигающиеся волны, теснила толпа здание станции. Но вот к платформе медленно, грузно, почти бесшумно среди окружающего гвалта подкрался поезд, закрипели тормоза, зазвенели цепи, и сейчас же резко, оглушительно прозвучал звонок. Словно неожиданный, жестокий удар разразился над беспорядочной толпой. На минуту стало так тихо, что голос начальника станции отчетливо пронесся по платформе.

- Садитесь! - с торжественной и в то же время дрогнувшей ноткой скомандовал он.

Еще с минуту длилось молчание, и вдруг опомнившаяся толпа дрогнула, застонала. Самые бессмысленные от вина лица прояснились сознанием; одна и та же мысль, одно и то же чувство выразились во всех глазах... Разом не стало безвольного, разнузданного, опьяненного зверя: рядом с человеком стоял человек, а в душах этих людей было одно им всем общее, всем одинаковое горе; и горе это было так велико и боль от него так нестерпима, что все то наносное, случайное, все то, что придавало им еще силы и терпения, теперь разом рассеялось, и стояли

люди лицом к лицу с своим горем, обезоруженные, жалкие, беспомощные, как дети. По седым бородам катились мелкие, скудные мужичьи слезы, из которых каждая словно просачивалась через сильную мужичью душу насквозь. Где-то истерично взвизгнула женщина, за ней другая, третья, и вдруг вся толпа, как по команде, обнажила головы, опустилась на колени и с молитвой, любовью и отчаянием прильнула в последний раз к родной земле. В стороне, растроганное, с опущенными головами без фуражек, стояло начальство.

- Катя! милая! - позвал Накатов. Молодая девушка прислонилась головой к косяку окна, плечи ее вздрагивали, и слезы беззвучно и неудержимо лились по щекам.

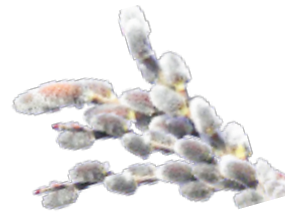
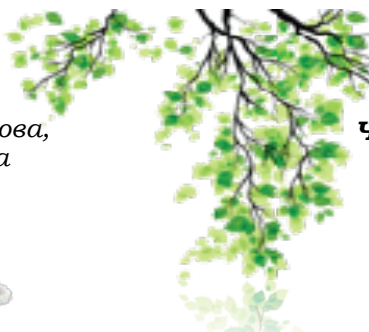
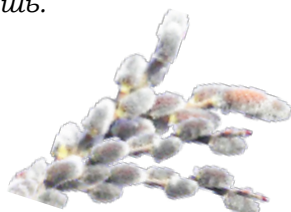
- Зачем? Ты понимаешь теперь зачем? понимаешь? - возбужденно шептала она. - Затем, что не терпит душа. Будьте же справедливы! Разве мало горя? мало? Облегчите же, а не осуждайте. Не осуждайте! - Катя заплакала еще сильнее, а Накатов закусил губы и виновато потупился.

- Садитесь! - еще раз грустно и мягко прозвучал голос начальника.

Л.А. АВИЛОВА

*Я отвечаю только за свои слова,
а не за то - как ты мои слова
понимаешь.*

*Чем ярче горят мосты за спиной,
тем светлее дорога впереди.*

Любить

Любить - это прежде всего отдавать.
Любить - значит чувства свои, как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь - это счастья вишневым стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любить - это только глаза открыть
И сразу подумать еще с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душой?!

Любовь - не сплошной фейерверк страстей.
Любовь - это верные в жизни руки,
Она не страшится ни черных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

Любить - значит страстно вести бои
За верность и словом, и каждым взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе, и в радости вечно рядом.

Любить - значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить - это в горе уметь прощать
Все, кроме подлости и измены.

А ждет ли любовь? Ну, конечно, ждет!
И нежности ждет и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведет:
Отдано столько-то, взято столько.

Любить - значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишения,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.
Любить - это с радостью откликаться
На все хорошее на земле!

Любовь - не веселый бездумный бант
И не упреки, что бьют под ребра.
Любить - это значит иметь талант,
Может быть, самый большой и добрый.

Любить - это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:
Вот книга - читал он ее или нет?
Груша... А как ему эта груша?

И к черту жалкие рассужденья,
Все чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живет всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звездных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить и верить!

Эдуард Асадов.

Избегайте тех, кто старается подорвать вашу веру в возможность добиться чего-то значительного в жизни. Эта черта свойственна мелким душонкам. Марк Твен.

ОТРЫВОК

Действительный статский советник Козерогов, выйдя в отставку, купил себе небольшое имение и поселился в нем. Здесь, подражая отчасти Цинциннату, отчасти же профессору Кайгородову, он трудился в поте лица и записывал свои наблюдения над природой. После его смерти записки его вместе с прочим имуществом перешли по завещанию к его экономке Марфе Евлампиевне. Как известно, почтенная старушка снесла барскую усадьбу и на месте ее построила превосходный трактир с продажей крепких напитков. В этом трактире была особая "чистая" комната для проезжающих помещиков и чиновников, и на столе в комнате были положены записки покойного на случай, буде кому из проезжающих понадобится бумага. Один листок записок попал в мои руки; он, по-видимому, относится к самому началу сельскохозяйственной деятельности покойного и содержит в себе следующее:

"3 марта. Весенний прилет птиц уже начался: вчера видел воробьев. Привет вам, пернатые дети юга! В вашем сладостном чириканье как бы слышу пожелание: "Будьте счастливы, ваше превосходительство!"

14 марта. Спросил сегодня у Марфы Евлампиевны: "Отчего это петух поет так часто?" Она мне ответила: "Оттого, что у него горло есть". А я ей: "У меня тоже есть горло, однако же я не пою!" Как много в природе таинственного! Служа в Петербурге, я неоднократно ел там индюков, но живыми их видел впервые только вчера. Весьма замечательная птица.

22 марта. Приезжал становой пристав. Долго беседовали о добродетели - я сидя, он стоя. Между прочим, он спросил меня: "А желали бы вы, ваше превосходительство, чтобы к вам опять вернулась ваша молодость?" Я ему ответил на это: "Нет, не желаю, потому что, будучи молодым, я не имел бы такого чина". Он согласился со мной и уехал видимо растроганный.

16 апреля. Собственноручно вскопал на огороде две грядки и посеял на них манную крупу. Никому об этом не сказал, дабы сделать сюрприз моей Марфе Евлампиевне, которой я обязан многими счастливыми минутами в жизни. Вчера за чаем она горько роптала на свою комплекцию и говорила, что увеличивающаяся полнота уже мешает ей пройти в дверь в кладовую. Я ей на это заметил: "Напротив, душенька, полнота форм ваших служит вам к украшению и к наибольшему моему расположению к вам". Она вспыхнула, я же встал и обнял ее обеими руками, ибо одною рукой ее не обхватишь.

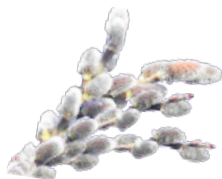
28 мая. Один старик, увидев меня около женской купальни, спросил меня: зачем я тут сижу? Я ответил ему: "Наблюдаю за тем, чтобы молодые люди сюда не ходили и здесь не сидели". - "Давайте же вместе наблюдать". Сказавши это, старик сел рядом со мной, и мы стали говорить о добродетели".

А. П. ЧЕХОВ.

*Если тебе плюют в спину,
значит ты впереди.*

*Спрашивать писателя,
что он думает о своих критиках, -
все равно что спрашивать фонарный столб,
что тот думает о собаках.
(Джон Осборн)*

Забытое наследие

Орлиный клюв не лубочный сюжет
И когти льва не мусор в колыбели...
Так некогда в тени священной ели
Волхвы встречали с трепетом рассвет.

Забывтый мир той давней старины
Уж не найти средь пыльного бурьяна.
Но мощный дух далекого Ирана
Исходит из российской глубины.

То был отец отважных сыновей,
Ушедших на балтийскую чужбину.
И воины с символикой орлиной
Рождались у суровых тех людей.

Норманнский след... Историк подтвердит,
Что викинги на Русь пришли когда-то.
Так повстречали собственного брата.
И щедрый стол для родича накрыт.

Пора забыть обидные слова,
Что Русь ткалась из шведского тумана.
Мы родом все из древнего Ирана,
У нас была единая семья!

Хабаровск.

В. Иванов-Ардашев.

ЛЮБОВЬ И ВЕСНА

ТЭФФИ (Рассказ Гули Бучинской)

Она показывала мне свои альбомы и целые пачки любительских снимков. Считается почему-то, что гостям очень весело рассматривать группу незнакомых теток на дачном балконе.

- А кто этот мальчик?
- Это не мальчик. Это я.
- А эта старуха кто?
- Это тоже я.
- А это что за собачка?
- Где? Это? Гм... Да ведь это тоже я.
- А почему же хвост?
- Подожди... Это не мой хвост. Хвост это вот от этой дамы. Это одна известная певица.
- Так почему же, если певица, так ей полагается быть с хвостом?
- Гм... Не совсем удачная фотография. Такое освещение. А вот старые снимки. Довоенные,

Эту особу знаешь?

Особа была лет десяти, с весёлыми ямочками, с белокурыми косичками, в форменном платье с широким белым воротником.

- Да это как будто ты?
- Ну, конечно, я.

Она долго смотрела на свой портретик, потом засмеялась и сказала:

- Этот портрет относится к периоду моего самого интересного романа. Моей первой любви.
- Да ведь тебе тут лет десять-одиннадцать.
- Ну да.

- Как же это я не знала. Расскажи, пожалуйста. Ведь ты тогда была в лицее.

- Вот, вот. Ужасный роман. У нас, видишь ли, образовался особый клуб. Не в нашем классе, а у больших, там, где были девочки уже лет четырнадцати, пятнадцати. Не помню сейчас, в чем там было дело, но главное, что все члены клуба должны были быть непременно влюблены. Невлюбленных не принимали. А у меня, в этом классе у старших, была приятельница, Зося Яницкая. Она меня очень уважала, несмотря на то, что я была маленькая. А уважала она меня за то, что я очень много читала и, главное, за то, что писала стихи. У них в классе никто не умел сочинять стихи.

Вот она переговорила со своими подругами и рекомендовала меня. Те, узнав про стихи, сразу согласились, но, конечно, спросили - "влюблена ли эта Зу и в кого?"

Тут мне пришлось признаться, что я не влюблена.

Как быть? Я бы, конечно, могла наскоро в кого-нибудь влюбиться, но я была в лицее живу-щей и ни одного мальчика не знала.

Зося очень огорчилась. Это было серьезное препятствие. А она меня любила и гордилась мной. И вот придумала она прямо гениальную штуку. Она предложила мне влюбиться в её брата. Брат её гимназист, молодчина, совсем взрослый - ему скоро будет тринадцать.

- Да ведь я же его никогда не видала!
- Ничего. Я его тебе покажу в окно.

Пансион у нас был очень строгий, вроде монастыря. В окошко смотреть было запрещено и считалось даже грехом. Но старшие девочки ухитрились в четыре часа, когда из соседней гимназии мальчики шли домой, подбежать к окошку, конечно, поставив у дверей сигнальщика. Сигнальщик, одна из девочек по очереди, в случае опасности должна была петь "Аве Марию" Гуно.

И вот на следующий же день прибежала за мной Зося и потащила к окну.

- Смотри скорей! Вот они идут. Вот он, Юрек.

У меня сердце колотилось, так что даже в ушах звенело.

- Который? Который?
- Да вон этот, круглый!

Смотрю - действительно один из мальчиков ужасно какой круглый - ну совсем яблоко. Мне как-то в первую минуту больно стало, что нужно любить такого круглого. А Зося говорит:

- Ты согласна?

Ну что делать? Я говорю:

- Да.

А Зося обрадовалась.

- Я, - говорит, - сегодня же вечером спрошу, согласен ли он в тебя влюбиться, потому что в нашем клубе требуется, чтобы любовь была взаимна.

На другой день отзывает меня Зося в угол и рассказывает, как она предложила Юреку в меня влюбиться.

Он сначала спросил Зою: "А что я от тебя за это получу?" Но Зося ему объяснила, что это надо сделать совершенно даром, и рассказала ему про клуб. Тогда он спросил:

- Это какая же Зу..? Это та, что с абажуром на шее?

Поломался немножко, но, впрочем, в конце концов, согласился влюбиться.

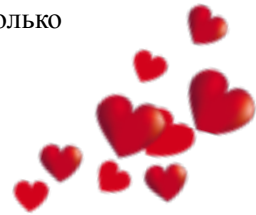
Мне было очень неприятно, что мой чудесный воротник, которому многие девочки завидовали, он назвал абажуром, но из-за такого пустяка разбивать и свое, и его сердце было бы глупо.

Итак - начался роман. Каждый день в четыре часа я вместе с другими героинями бежала к окну и махала платком. На мое приветствие оборачивалось круглое лицо, и видно было, как оно вздыхает.

Потом Зося принесла мне открытку, которую Юрек сам для меня нарисовал и раскрасил. Открытка очень взволновала меня, хотя на ней и были изображены просто-напросто гуси. Я даже спросила Зою - почему именно гуси? Зося ответила, что это оттого, что они ему очень хорошо удаются.

В ответ на гусей я послала ему стихи. Не совсем свежие - я их уже несколько месяцев писала в альбом подругам. Но они ведь от этого хуже не стали.

Когда весною ландыши цветут,
Мне мысли грустные идут,
И вспоминаю я всегда
О днях, когда была я молода.

И вот дня через два передала мне Зося стихи от Юрека. Стихи были длинные. Тогда была мода на декадентов, и он, конечно, просто перекатал их из какого-нибудь журнала. Стихи были непонятные, и слова в них были совсем ужасные. Читала я, спрятавшись в умывалку, Зося стояла на часах. Я, как только прочла, так сейчас же разорвала бумагу на мелкие кусочки, кусочки закрутила катышем и выбросила в форточку.

От стихов в голове стало совсем худо и даже страшно. Ухватила я только одну фразу, но и того было довольно, чтобы прийти в ужас. Фраза была:

Я как больной сатана
Влекусь к тебе!

Больной сатана! Такой круглый и вдруг оказывается больной сатана! Это сочетание было такое страшное, что я схватила Зою за шею и заревела. В четыре часа не пошла к окошку. Боялась взглянуть на больного сатану.

Был у меня маленький медальончик, золотой с голубыми камешками. Вот я пробралась потихоньку в нашу часовенку и повесила этот медальончик Мадонне на руку. За больного сатану. Так и помолилась. "Спаси и помилуй больного сатану".

Настроение у меня было ужасное. Чувствовала и понимала, что погрязла в грехе. Во-первых, смотрела в окно, что само по себе уже грех, во-вторых, влюбилась, что грех уже серьезный и необычайный и, наконец, этот ужас с больным сатаной. Такой страшный объект для любви! А тут как раз наступил пост и моя первая исповедь.

У нас девочки всегда записывали на бумажке свои грехи, чтоб чего-нибудь не забыть. Грехи записывались свои, чужие - то есть те, которые знала да не донесла, а покрыла и, так сказать, сделалась как бы соучастницей. Затем грехи обычные и, наконец, тяжкие.

Я все записала, как другие, а в последний момент записочку-то и потеряла. Можете себе представить мое состояние? И без того-то в душе ужас, хаос, отчаяние, а тут еще грехи потеряла. А храм у нас был старый, черный, с колоннами. Черные огромные ангелы нагнулись и трубят в трубы. А в узкое узорное окно стучат дождевые капли и текут по стеклу слезами. И надо будет сказать старому строгому кюре о моем страшном грехе. И он не простит меня, ни за что не простит, и закачают колонны, и затрубят черные ангелы, и рухнут своды...

- Будь проклята, черная грешница!

И вот я у окошечка. Рассказываю дрожащим голосом о том, как лгала, как украла у Галюси чудную новую резинку, маленькую, круглую. Потом вернула. Как люблю сладкое, как ленюсь.

Ах, все это пустяки. Я не ребенок, я отлично понимаю, что сам кюре позавидовал бы такой резинке. Все это вздор и мелочи. Главное впереди.

- У меня есть страшный грех.

- Какой, деточка?

Лечу в пропасть. Закрываю глаза.

- Я влюблена.

Он ничего, спокоен.

- В кого же?

Шепчу:

- В Юрека.
- Что же это за Юрек?
- Он Зосин брат. Он очень взрослый. Ему скоро тринадцать.
- Вот как! А где же ты с ним видишься?
- А я совсем не вижу. Я в окно.

Он ничего, только брови поднял.

- Вот, - говорит, - деточка, как нехорошо. Вам ведь запрещено в окошко смотреть. Надо слушаться.

Я все жду, когда же он рассердится. А он говорит:

- Ну вот, больше в окошко не смотри, а помолись Богу, чтобы Юрек был здоров и хорошо учился.

Только и всего!

И вдруг весь мой страшный грех показался мне таким пустяком, и вся история с Юреком такой ерундой, а сам Юрек смешным, круглым мальчиком. И вспомнились разные унижительные для героя штуки, которые рассказывала Зося и которые я инстинктивно пропускала мимо ушей. Как Юрек боится темной комнаты, и как ревел, когда был у дантиста, и как съедает по три тарелки макарон со сметаной... "Ну, - думаю, - дура я дура! И чего я так мучилась".

На другой день побежала в четыре часа к окошку. Вижу - ждет. Я скорчила самую безобразную рожу, высунула язык, повернулась спиной и ушла.

- Зося, - говорю. - Я твоему брату дала отставку. Пусть так и знает.

На другой день приходит Зося в школу страшно расстроенная.

- Ты, - говорит, - сама не знаешь, что ты наделала! Юрек говорит, что ты его оскорбила и что он, как дворянин, не перенесет позора.

Я безумно испугалась.

- Что же он сделает?

- Не знаю. Но он в ужасном состоянии. Как быть? Неужели застрелится?

Я надену длинное чёрное платье и всю жизнь буду бледна. А самое лучшее сейчас же пойти в монастырь и сделаться святой.

Напишу ему прощальное письмо. В стихах. Он тогда стреляться не будет. Со святой взятки гладки. Стала сочинять.

Средь ангелов на небе голубом

Я помнить буду о тебе одном.

Не успела я записать эти строки, как вдруг - цоп меня за плечо. Мадемуазель!

Наша стро-гая классная дама.

- Что ты там пишешь, дитя мое?

Я крепко зажала бумажку в кулак.

- Я тебя спрашиваю, что ты такое пишешь? Покажи мне.

- Ни за что!

Она поджала губы, раздула ноздри.

- Почему?

- Потому что это моя личная корреспонденция.

Очевидно, я где-то слышала такое великолепное официальное выражение, оно у меня и выскочило - к моему собственному удивлению.

- Ах, вот как!

Она схватила меня за руку, я руку вырвала. Она поняла, что ей со мной не справиться.

- Петр!

Петр был сторож, звонил часы уроков, подметал классные комнаты.

- Петр! Сюда! Возьмите у барышни записку, которая у нее в кулаке.

Петр шмыгнул носом и решительно направился ко мне.

Тут я гордо вскинула голову и швырнула смятую бумажку на пол:

- С мужиком я драться не стану! - Повернулась и вышла.

Девочки разъехались. Меня на праздники непустили. Я наказана. И то еще хорошо. Собирались вообще выгнать из лица за дерзкое поведение и безнравственное стихотворение.

Я сидела у окна и писала сочинение, которое в наказание задала мне классная дама. Сочинение о весне. Праздничный благовест лился в окно. Пух цветущих деревьев летел и кружился в воздухе. Щебетали веселые птицы, и пахло водой, и медом, и молодой весенней землей.

"Весна" - написала я.... И крупная слеза капнула, и расплылось чернило моей "Весны". Я обвела кляксу кружочком и стала разрисовывать сиянием. И, не правда ли, она, эта моя весна, заслужила сияние? Ведь она у меня так и осталась в нимбе моей памяти, как видите - на всю жизнь.

"Весна".

Под напев молитв пасхальных

Под напев молитв пасхальных
и под звон колоколов,
к нам летит весна из дальних,
из полуденных краёв.
В зеленеющем уборе
млеют тёмные леса,
небо блещет точно море,
море - точно небеса.
Сосны в бархате зелёном,
и душистая смола
по чешуйчатым колоннам
янтарями потекла.
И в саду у нас сегодня
я заметил, как тайком
похристосовался ландыш
с белокрылым мотыльком.
Звонко капают капли
Возле нашего окна.
Птицы весело запели.
Пасха в гости к нам пришла.

(1862-1911) **Константин Фофанов.**

Красота

Одна есть в мире красота
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья -
За нас распятого Христа.

К. Д. Бальмонт

*«Ничтожный учитель – говорит. Хороший учитель объясняет.
Замечательный учитель показывает. Великий учитель вдохновляет».*
William Arthur Ward.

Благовест

Я ждал его с понятным нетерпеньем,
Восторг святой в душе своей храня,
И сквозь гармонию молитвенного пенья
Он громом неба всколыхнул меня.
Издrevле благовест над Русскою землею
Пророка голосом о небе нам вещал;
Так солнца луч весеннею порою
К расцвету путь природе освещал.
К тебе, о Боже, к Твоему престолу,
Где правда, Истина светлее наших слов,
Я путь держу по Твоему глаголу,
Что слышу я сквозь звон колоколов.

К.Бальмонт.

*Женщина за рулём – БОГИНЯ, -
пассажиры молятся, пешеходы
крестятся...*

Ещё майская ночь...

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг
и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво «манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесной
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной - и последней, может быть.

ФЕТ.

АНТРЕПРЕНЕР ПОД ДИВАНОМ

(ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ)

Шел "Водевиль с переодеванием". Клавдия Матвеевна Дольская-Каучукова, молодая, симпатичная артистка, горячо преданная святому искусству, вбежала в свою уборную и начала сбрасывать с себя платье цыганки, чтобы в мгновение ока облечься в гусарский костюм. Во избежание лишних складок, чтобы этот костюм сидел возможно гладко и красиво, даровитая артистка решила сбросить с себя всё до последней нитки и надеть его поверх одеяния Евы. И вот, когда она разделась и, пожимаясь от легкого холода, стала расправлять гусарские рейтузы, до ее слуха донесся чей-то вздох. Она сделала большие глаза и прислушалась. Опять кто-то вздохнул и даже как будто прошептал:

- Грехи наши тяжкие... Охх...

Недоумевающая артистка осмотрелась и, не увидев в уборной ничего подозрительного, решила заглянуть на всякий случай под свою единственную мебель - под диван. И что же? Под диваном она увидела длинную человеческую фигуру.

- Кто здесь?! - вскрикнула она, в ужасе отскакивая от дивана и прикрываясь гусарской курткой.

- Это я... я... - послышался из-под дивана дрожащий шепот. - Не пугайтесь, это я... Тсс!

В гнусавом шепоте, похожем на сквородное шипение, артистке не трудно было узнать голос антрепренера Индюкова.

- Вы?! - возмутилась она, красная как пион. - Как... как вы смели? Это, значит, вы, старый подлец, всё время здесь лежали? Этого еще не доставало!

- Матушка... голуба моя! - зашипел Индюков, высовывая свою лысую голову из-под дивана. - Не сердитесь, драгоценная! Убейте, растопчите меня как змия, но не шумите! Ничего я не видел, не вижу и видеть не желаю. Напрасно даже вы прикрываетесь, голубушка, красота моя неописанная! Выслушайте старика, одной ногой уже в могиле стоящего! Не за чем иным тут валяюсь, как только ради спасения моего! Погибаю! Смотрите: волосы на голове моей стоят дыбом! Из Москвы приехал муж моей Глашеньки, Прындин. Теперь ходит по театру и ищет погребели моей. Ужасно! Ведь, кроме Глашеньки, я ему, злодею моему, пять тысяч должен!

- Мне какое дело? Убирайтесь сию же минуту вон, иначе я... я не знаю, что с вами, с подлецом, сделаю!

- Тсс! Душенька, тсс! На коленях прошу, ползаю! Куда же мне от него укрыться, ежели не у вас? Ведь он везде меня найдет, сюда только не посмеет войти! Ну, умоляю! Ну, прошу! Часа два назад я его видел! Стою это я во время первого действия за кулисами, гляжу, а он идет из партера на сцену.

- Стало быть, вы и во время драмы здесь валялись? - ужаснулась артистка. - И... и всё видели?

Антрепренер заплакал:

- Дрожу! Трясусь! Матушка, трясусь! Убьет, проклятый! Ведь уж раз стрелял в меня в Нижнем... В газетах писали!

- Ах... это, наконец, невыносимо! Уходите, мне пора уже одеваться и на сцену выходить! Убирайтесь, иначе я... крикну, громко расплачусь... лампой в вас пущу!

- Тсс!.. Надежда вы моя... якорь спасения! Пятьдесят рублей прибавки, только не гоните! Пятьдесят!

Артистка прикрылась кучей платья и побежала к двери, чтобы крикнуть. Индюков пополз за ней на коленях и схватил ее за ногу повыше лодыжек.

- Семьдесят пять рублей, только не гоните! - прошипел он, задыхаясь. - Еще полбенефиса прибавлю!

- Лжете!

- Накажи меня Бог! Клянусь! Чтоб мне ни дна, ни покрыва... Полбенефиса и семьдесят пять прибавки!

Дольская-Каучукова минуту поколебалась и отошла от двери.

- Ведь вы всё врете... - сказала она плачущим голосом.

- Провались я сквозь землю! Чтоб мне Царствия Небесного не было! Да разве я подлец какой, что ли?

- Ладно, помните же... - согласилась артистка. - Ну, полезайте под диван.

Индюков тяжело вздохнул и с сопеньем полез под диван, а Дольская-Каучукова стала быстро одеваться. Ей было совестно, даже жутко от мысли, что в уборной под диваном лежит посторонний человек, но сознание, что она сделала уступку только в интересах святого искусства, подбодрило ее настолько, что, сбрасывая с себя немного спустя гусарское платье, она уже не только не бранилась, но даже и посочувствовала:

- Вы там выпачкаетесь, голубчик Кузьма Алексеич! Чего я только под диван ни ставлю!

Водевиль кончился. Артистку вызывали одиннадцать раз и поднесли ей букет с лентами, на которых было написано: "Оставайтесь с нами". Уходя после оваций к себе в уборную, она встретила за кулисами Индюкова. Запачканный, помятый и взъерошенный, антрепренер сиял и потирал руки от удовольствия.

- Ха-ха... Вообразите, голубушка! - заговорил он, подходя к ней. - Посмейтесь над старым хрычом! Вообразите, то был вовсе не Прындин! Ха-ха... Чёрт его возьми, длинная рыжая борода меня с панталыку сбила. У Прындина тоже длинная рыжая борода. Обознался, старый хрен! Ха-ха... Напрасно только беспокоил вас, красавица...

- Но вы же смотрите, помните, что мне обещали, - сказала Дольская-Каучукова.

- Помню, помню, родная моя, но... голубушка моя, ведь то не Прындин был! Мы только насчет Прындина условились, а зачем я буду обещание исполнять, ежели это не Прындин? Будь то Прындин, ну, тогда, конечно, другое дело, а то ведь, сами видите, обознался. Чудака какого-то за Прындина принял!

- Как это низко! - возмутилась актриса. - Низко! Мерзко!

- Будь это Прындин, конечно, вы имели бы полное право требовать, чтоб я обещание исполнил, а то ведь чёрт его знает, кто он такой. Может, он сапожник какой или, извините, портной - так мне и платить за него? Я честный человек, матушка... Понимаю...

И отойдя, он всё жестикулировал и говорил:

- Если бы то был Прындин, то, конечно, я обязан, а то ведь кто-то неизвестный... какой-то, шут его знает, рыжий человек, а вовсе не Прындин.

А.П. Чехов.

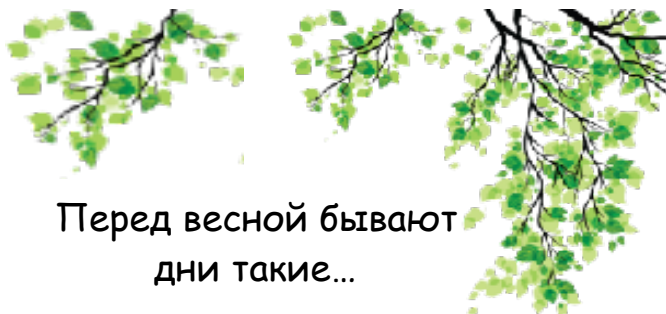
Ханс Кристиан Андерсен не обращал внимания на свой внешний вид и одевался очень небрежно. Его старый, поношенный плащ знал весь Копенгаген.

Однажды, когда Андерсен гулял по улицам Копенгагена, какой-то прохожий спросил его:

- Этот жалкий предмет на вашей голове вы называете шляпой?

Великий сказочник не растерялся и спокойно спросил прохожего:

- А этот жалкий предмет под вашей шляпой вы называете головой?

Перед весной бывают дни такие...

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Анна Ахматова.

Дела давно минувших дней

Внезапно в гости к нам нагрянут -
И мир становится тесней
И старые вскрывает раны.

Мы топим прошлое в вине,
Но нет спасения в стакане:
Дела давно минувших дней
Идут сквозь время вместе с нами.

С годами шаг наш всё быстрее,
Но чувства сжаты как тисками:
Дела давно минувших дней
Украдкой следуют за нами.

Валерий Румянцев. Россия.

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решишь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885 г. **А. ФЕТ.**

Умный любит учиться, а дурак – учить. А.П. Чехов.

Из весеннего дневника

...А природа, как уже давно дознано археологами, все делает назло человеку. Недаром говорится: «Гони природу в дверь, она вернется в окно».

Вот и теперь: дача не нанята - солнце во все лопатки. В прошлом году переехали рано, начались майские морозы и продолжались вплоть до сентября. Двести рублей за дачу заплатили, на шестьдесят - дров извели. А еще уверяют, что человек - царь природы. Очень и очень ограниченный монарх, во всяком случае.

Я лично не люблю природы. По-моему, это одна фантазия и расход. И всегда простудишься в конце концов. Но вчера утром Жан настроился совсем по-весеннему. Посмотрел на барометр, на термометр Цельсия, на Реомюра, на Фаренгейта, помножил Реомюра на Цельсия, разделил барометр на Фаренгейта и решил, что погода весь день будет великолепная, и нужно ехать, подышать свежим воздухом. На мои протесты он ответил, что если человек работает всю неделю как бешеная собака, то он имеет право в воскресенье насладиться природой.

Я поняла, что действительно было бы глупо иметь право и не пользоваться им. Непрактично. И мы поехали...

Увязался с нами и beau-frère Васенька. Я не люблю с ним ездить. Он ужасно моветонный и легко может скомпрометировать. Он и на этот раз стал что-то очень глупо острить насчет моего зонтика, но Жан сразу поставил его на место (конечно, Васеньку, а не зонтик), и мы поехали наслаждаться воздухом.

Ехали на конке.

Beau-frère Васенька уронил в щель две копейки и всю дорогу выковыривал их тросточкой. Это было очень неприятно. Соседи могли подумать, что для нашей семьи такую важную роль играют две копейки.

Вдобавок он всю зиму сохранял летнее пальто в нафталине, а для поездки обновил его, и я очень страдала при каждом Васенькином движении. Жан сидел с другой стороны, и от него пахло пачулями, нюхательным табаком и перцем. От этой смеси издохнет не только моль, но и любое млекопитающее. Мне было очень скверно. С одной дамой визави сделался легкий обморок. Но Жан поставил ее на место, и она вылезла на полном ходу.

Около Черной речки у меня зазеленело в глазах, и мы вышли на площадку. Там было легче дышать, но очень тесно стоять. Beau-frère Васенька болтал ногой в воздухе, и Жан никак не мог поставить его на место. А нафталин пах, и ветер дул как раз на меня.

На площадке стояли какие-то личности, которые, повидимому, не прочь были завязать разговор. Чтобы поставить их на место, Жан начал говорить о загранице. Они сразу поняли, кто перед ними, и замолчали.

- Посмотри, Нинет, как этот мост похож на... на площадь Согласия в Лондоне, - говорил он.

Я за границей не бывала, но соглашалась, что похож. Может быть, и правда похож - чего же без толку спорить.

- Когда я поднимался на Риги... Ригикульм...

Все слушали с завистью, а beau-frère Васенька вдруг загоготал, как дикий вепрь, и говорит: «Врешь, Ванька, никогда ты в Риге не бывал». Вышло ужасно глупо. Все стали ухмыляться, а Васенька начал подпевать: «Врешь, врешь»...

Жан, чтобы поставить его на место, сказал, что в обществе не принято петь, когда стоишь на ночной площадке. Но тут вмешался кондуктор.

- Какое такое общество? Мы уже второй год, как в город перешедчи. Не общество, стало, а городские.

- Я говорю о высшем обществе, - поставил его на место Жан. - О высшем, а не о конножелезнодорожном.

У Черной речки мы вылезли и решили взять извозчика до ресторана. Но извозчик нашелся только один, и до того пьяный, что его нельзя было даже поставить на место. Пришлось идти пешком.

Ветер дул с Васенькиной стороны, и я все время думала, как дохнет моль. Должно быть, ужасные страдания!..

На набережной сидела целая дивизия свежемобилизованных хулиганов и делилась впечатлениями на наш счет. Это было неприятно.

У входа в ресторан Жан долго умилялся картиной природы и говорил, что весной пробуждается жизнь.

- Какая красота! - твердил он. - Река точно серебро! Берега точно изумруд! Небо точно бирюза! Горизонт - точно золото!

Он говорил очень поэтично, хотя несколько ювелирно.

- А этот чудный аромат распускающихся почек!..

Beau-frère Васенька потянул носом и с уважением произнес:

- Ну! И нюх же у тебя! Действительно, на веранде кто-то почки в мадере уплетает.

Мы прошли на веранду, и лакей спросил, что мы желаем на ужин. Но Жан сразу поставил его на место, заказав три стакана морсу.

Откушав, мы наняли лодку и поехали к взморью. Я сидела на руле и на какой-то корявой палке. Было очень неловко, но палку вытащить было нельзя. Жан говорил, что лодка при этом перевернется. Beau-frère Васенька болтал веслами, языком и ногами и кричал, что задел веслом рыбу...

Жан вспоминал, что был знаком с одним графом, членом яхт-клуба, и показывал, как этот граф рассказывал - как греб один князь. Лодка при этом ползла боком и тыкалась кормой в берега.

Рядом с нами плыли на ялике какие-то нахалы и веселились на наш счет. Они не слышали, что Жан рассказывает, и не понимали, что так гребет князь по рассказу графа, а думали, должно быть, что это Жан сам не умеет...

Чтобы поставить их на место, Жан велел мне спеть что-нибудь по-французски. Мне было неловко, и я отказывалась. Но в это время нас обогнала лодка. В ней сидела дама с офицером и имела такой гордый вид, точно она только что Порт Артур сдала.

Я не выдержала и запела: «Si tu m'aimais!» Офицер покосился на мой голос, а дама со злости повернула нос не в ту сторону, а ткнула нас рулем.

Мы выехали на Стрелку. Закат, как поется в романсе, «пылал бобровой полосой». На самом горизонте, там, где небо целует землю, стояли три мужика и пили поочередно из бутылки.

Налево от ресторана несло свежераспустившимися почками. Нафталин относило в сторону. Преобладали табак и перец.

На обратном пути Васенька напоролся на крупную рыбу и потерял весло. Пришлось ставить лодочника на место, потому что он запросил за весло очень дорого.

Корявая палка, на которой я сидела, оказалась моим же собственным зонтиком, только сломанным пополам. У Жана раздавился котелок, а у Васеньки пропал без вести галстук.

Ехали назад опять на конке. Пассажиры смотрели на нас двусмысленно. Жан, чтобы поставить их на место и оправдать несвежесть наших костюмов, рассказывал о значении спорта в жизни великих людей и известных политических деятелей.

Нафталин и табак отсырели, стали острее, резче и навязчивее.

Тэффи

- Дорогая, ты споёшь нам сегодня?
- Зачем? Гости и так уже расходятся.
- Да, но очень медленно...

Ручьи дождя бегут по стеклам окон

Ручьи дождя бегут по стеклам окон,
Ручьи дождя смывают все следы,
Ручьи дождя текут сплошным потоком,
И в этот миг приходишь в сердце ты.
Светлеет небо, гаснут вспышки молний,
Восходит солнце на алмазный трон.
В душе концерт играет флейта сольный.
Сжимаю мысленно твою ладонь.
Кого винить в напрасности желаний,
Кого винить в придуманности снов,
Кого винить в поспешном расставанье?
Хочу надеяться на встречу вновь.
Еще люблю, тоскую и рисую
Тебя на мокром от дождя песке.
Я не забыл и не искал другую.
Гроза ушла – лишь эхо вдалеке.

прот. Василий Мазур. Херсонес

В поисках солнца

Пойду в поля - покликаю,
В чащобы - поаукаю.
Где бродишь, ясноликое?
Окончится разлука ли?
Весна - девица с норовом -
Тобою не целована.
Дни за окошком хворые,
Ненастьем околдованы.
Июнь в саду, под вишнями,
Озябнет и расхнычется...
Согрейте сердце ближнего,
И солнышко отыщется.

Алексей Гушан.

«Свете Тихий».

Адам был счастливым человеком: когда ему в голову приходило что-нибудь смешное, он мог быть твердо уверен, что не повторяет чужих острот. Марк Твен.

С о н р е п о р т е р а

«Настоятельно прошу быть сегодня на костюмированном балу французской колонии. Кроме вас, идти некому. Дадите заметку, возможно подробнее. Если же почему-либо не можете быть на балу, то немедленно уведомяте - попрошу кого-нибудь другого. При сем прилагаю билет. Ваш... (следует подпись редактора).

P.S. Будет лотерея-аллегри. Будет разыграна ваза, подаренная президентом французской республики. Желаю вам выиграть».

Прочитав это письмо Петр Семеныч, репортер, лег на диван, закурил папиросу и самодовольно погладил себя по груди и по животу. (Он только что пообедал.)

Желаю вам выиграть! - передразнил он редактора. - А на какие деньги я куплю билет? Небось, денег на расходы не даст, ска-а-тина. Скуп, как Плюшкин. Взял бы он пример с зарубежных редакций... Там умеют ценить людей. Ты, положим, Стэнли, едешь отыскивать Ливингстона. Ладно. Бери столько-то тысяч фунтов стерлингов! Ты, Джон Буль, едешь отыскивать "Жаннетту". Ладно. Бери десять тысяч! Ты идешь описывать бал французской колонии. Ладно. Бери... тысяч пятьдесят... Вот как за границей! А он мне прислал один билет, потом заплатит по пятаку за строчку... и воображает... Ска-а-тина!

Петр Семеныч закрыл глаза и задумался. Множество мыслей, маленьких и больших, закопошилось в его голове. Но скоро все эти мысли покрылись каким-то приятным розовым туманом. Из всей щелей, дыр, окон медленно поползло во все стороны желе, полупрозрачное, мягкое... Потолок стал опускаться... Забегали человечки, маленькие лошадки с утиными головками, замахало чье-то большое мягкое крыло, потекла река... Прошел мимо маленький наборщик с очень большими буквами и улыбнулся... Все утонуло в его улыбке и... Петру Семенычу начало сниться...

Он надел фрак, белые перчатки и вышел на улицу. У подъезда давно уже ожидает его карета с редакционным вензелем. С козел соскакивает лакей в ливрее и помогает ему сесть в карету, подсаживает его, точно барышню-аристократку.

Через какую-нибудь минуту карета останавливается у подъезда Благородного собрания. Он, нахмутив лоб, сдает свое платье и с важностью идет вверх по богато убранной, освещенной лестнице. Тропические растения, цветы из Ниццы, костюмы, стоящие тысячи.

- Корреспондент... - пробегает шепот в многотысячной толпе. - Это он...

К нему подбегает маленький старичок с озабоченным лицом, в орденах.

- Извините, пожалуйста! - говорит он Петру Семенычу. - Ах, извините, пожалуйста!

И вся зала вторит за ним:

- Ах, извините, пожалуйста!

- Ах, полноте! Вы меня конфузите, право... - говорит репортер. И он вдруг, к великому своему удивлению, начинает трещать по-французски. Ранее знал одно только "mersi", а теперь - на поди!

Петр Семеныч берет цветок и бросает сто рублей, и как раз в это время подают от редактора телеграмму: "Выиграйте дар президента Французской республики и опишите ваши впечатления. Ответ на тысячу слов уплачен. Не жалеете денег". Он идет к аллегри и начинает брать билеты. Берет один... два... десять... Берет сто, наконец тысячу и получает вазу из северского фарфора. Обняв обеими руками вазу, спешит дальше.

Навстречу ему идет дамочка с роскошными льняными волосами и голубыми глазами. Костюм у нее замечательный, выше всякой критики. За ней толпа.

- Кто это? - спрашивает репортер.

- А это одна знатная француженка. Выписана из Ниццы вместе с цветами.

Петр Семеныч подходит к ней и рекомендуется. Через минуту он берет ее под руку и ходит, ходит... Ему многое нужно разузнать от француженки, очень многое... Она так прелестна! "Она моя! - думает он. - А где я у себя в комнате поставлю вазу?" - соображает он, любясь француженкой. Комната его мала, а ваза все растет, растет и так разрослась, что не помещается даже в комнате. Он готов заплакать.

- А-а-а... так вы вазу любите больше, чем меня? - говорит вдруг ни с того, ни с сего француженка и - трах кулаком по вазе! Драгоценный сосуд громко трещит и разлетается вдребезги. Француженка хохочет и бежит куда-то в туман, в облако. Все газетчики стоят и хохочут... Петр Семеныч, рассерженный, с пеной у рта, бежит за ними и вдруг, очутившись в Большом театре, падает вниз головой с шестого яруса.

Петр Семеныч открывает глаза и видит себя на полу около своего дивана. У него от ушиба болит спина и локоть. «Слава Богу, нет французенки, - думает он, протирая глаза. - Ваза, значит, цела. Хорошо, что я не женат, а то, пожалуй, дети стали бы шалить и разбили вазу».

Протерев же глаза как следует, он не видит и вазы. «Все это сон, - думает он. - Однако уже первый час ночи... Бал давно уже начался, пора ехать... Полежу еще немного и - марш!»

Полежав еще немного, он потянулся и... заснул - и так и не попал на бал французской колонии.

- Ну, что? - спросил у него на другой день редактор. - Были на балу? Понравилось?

- Так себе... Ничего особенного... - сказал он, делая скучающее лицо. - Вяло. Скучно. Я написал заметку в двести строк. Немножко браню наше общество за то, что оно не умеет веселиться. - И, сказавши это, он отвернулся к окну и подумал про редактора: «Ска-атина!!»

А.П. Чехов.

Когда-то Хемингуэй поспорил, что сочинит рассказ из шести слов, который станет самым трогательным из всех ранее написанных. Он выиграл спор:

"Продаются детские ботиночки.

Неношеные.

("For sale: baby shoes, never used.")

РУССКИЙ ЯЗЫК

Мне лепет ландыша завещан
И колокольный зов веков...
Клянусь, не будет обесчещен
Прекраснейший из языков!

Ложатся годы мне на плечи,
Но, пробираясь по лучу,
Я в необъятной русской речи
Созвучья милые ищу.

Овеян прелестью старинной,
Я весь - у мира начеку:
Я слышу, как поёт турбина
И электрон бодрит строку...

Язык земли непобедимой!
Живи, ликуя и скорбя, -
И пусть растает легче дыма
Всяк восстающий на тебя!

Нас время должной мерой судит -
Закон един, и потому
Не сгинет тот, кто честно будет
Служить бессмертью твоему.

Сергей Луценко. Россия.

Фредерик Браун сочинил
кратчайшую страшную историю
из когда-либо написанных:
**"Последний человек на Земле сидел
в комнате. В дверь постучали..."**

ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ

Прольётся свет на грани дня,
Он вспыхнет отблесками ярко,
Наполнив верою меня,
Исправив все мои пометки.

И покаянная душа
В себя впитает робкий трепет,
И как ребёнок - не спеша,
Мой дух в предчувствии окрепнет.

И растворится стынь тревог
В апрельском небе безупречном.
Наступит ночь - воскреснет Бог,
В своём сиянии предвечном.

Иван Нечипорук.

Горловка, Донецкая республика.

Так однажды...

До мгновенья всего лишь века
И с судьбой разговор откровенный,
Неизбывная грусти река -
Место встречи двух душ во вселенной...

И дрожат над водой голоса,
И вопросов не счесть без ответа -
Так однажды я встречу глаза,
Бесконечно влюбленные в лето...

Овчинникова Марина. Россия.

СТАРИК И СОБАКА

Борода у деда Валяева во-о-от такая, до пояса. Сам он - мужчина крупный, и очень старый. И собака у него тоже большая и старая, очень лохматая. Они вместе любят сидеть на завалинке, греться на солнце. Дед всегда в шапке и валенках. Собака сама как старый тулуп в серых валенках. Иногда дед один сидит. А иногда собака без деда.

Соседка Бабаня, баба Аня Бабанина, старушка подслеповатая мимо идёт, кланяется:

- Здравствуйте, дедушка.

Пёс в ответ:

- Гав! Гав!

- Тьфу, нечистая! Прости, Господи...

В другой раз сам дед на завалинке. Бабаня вновь идёт, кланяется:

- Здравствуйте! Вы собачка или дедушка?

- Дедушка!

- Слава Богу! Прости, Господи...

А ещё дед Валяев рыбалку любит. На деревенское озеро ходит с правнуками Сёмкой и Васькой. Штаны снимут и давай руками карасей ловить. Дед свою длинную рубаху в поясе верёвкой подвяжет и рыбу за пазуху прячет. А собака на берегу ждёт.

Вот раз увлёкся дед рыбалкой. Правнуков эта затея утомила, стали они нырять и плескаться. Дед ловит и ловит, а пойманные караси разгулялись в пузыре рубахи, и давай его в воду тянуть. Дед к берегу хочет вылезть, а рыба в глубину тащит. Дед кричит:

- Сёмка и Васька сиротами остались! Внучата сиротами остались!

Главное дело, не на помощь зовёт, а причитает по внукам-правнукам. Людям и невдомёк, что тонет.

Только пёс все понял, бросился в воду и стал за ворот деда тянуть. А тот пузырь рубахи руками держит, чтобы караси не разбежались. Здесь и народ подоспел, - помогли вытащить.

Александр Герасимов. Россия.

Некрасов из детства

Я подружился с книгой с детских лет - их поставляли прямо из «Детгиза». Была война. Мы жили у киргизов, где за горами ночевал рассвет.

И стопка книг на полке у окна ждала меня, пока темнели дали. Мы у киргизов жили. Шла война, а дети книги русские читали.

Всё шла война... Давно тех книжек нет, что я читал, и писем папы. Жалко, не сохранил. Однажды приезжал он на десять суток, раненый корнет.

Не только сказки. Девушка с тоской, как в дни войны, смотрела на дорогу, и мчал корнет, скорей, к передовой – своим друзьям-корнетам на подмогу.

А на тропинке в тишине ракист лежал солдат, и умирал без стона. И дед ругал негромко Уинстона, который Черчилль, что их фронт закрыт.

Валерий ПАЙКОВ.
Израиль, Бнэй-Айш.

Весенняя картина грусти...

Уже второй месяц весны... Сегодня капельки серо-серебряного дождя спускаются с неба, стучатся о землю. Во многих местах города образовались проталины. Я смотрю на этот серый асфальт и грущу - чёрно-белая картина. Солнышко ещё не светит, ещё не успела весна справиться с уходящей зимой и прогнать её прочь. Дождь, пасмурно, словно в конце осени...

Голый асфальт и грязный снег, печальная картина. Но скоро снег растает, к нам уже спешат перелётные птицы. Немного грустно, от апрельского пейзажа, но ещё чуть-чуть - выглянет солнышко и станет тепло! А пока печаль. Но даже такие изменения в природе радуют взгляд, и вдохновляют на новые творческие подвиги. Несмотря на холод, всё-таки пришла весна! А значит, невозможно не попасть под впечатление картины весенней грусти! Невозможно, поверьте.

Виктория Розаль. Россия.

В н у т р и р а с с в е т а

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чём-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, - такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно замороженные... Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня. Зачастил я сюда.

...Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, вьющейся среди полей с ровными грядами изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет - невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой скрыть убогость брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, притулившись друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться. Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящейся цепи поблёскивало - значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, ворвался аромат сирени и земли, - видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабеющей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонёк лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют тёмные стены, это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства. Брат суетился, загремел багажником, принялся доставать наши рыбацкие причиндалы.

- Не шуми пока, а? - попросил я его. - Давай просто посидим, посмотрим.

Брат глянул с удивлением:

- А чего сидеть-то? Утро короткое, так всё и просидим.

Потом пожал плечами, словно поняв меня:

- Ну ладно. Посидим...

Но сам принялся устанавливать катушки на спиннинги и удочки.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и выдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам её.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяние остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон шуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекаст. Бух, бух, бух! - рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

- Вон, мужики уже вовсю... - проговорил брат недовольно. - А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Чего тут смотреть?

- Природу, - вздохнул я, и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

- А чего её смотреть-то? - повертев башкой, пробурчал брат. - Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

... И то правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдем, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осоками - они тоже превратились в рать грозных вели-

канов, стерегущих реку. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. И сердце мое сдалось:

- Да, пора, пожалуй, - сказал я брату.

- Давно пора, - недовольно пробурчал он.

- Место-то, брательник, не ахти какое рыбное. Куда спешить?

Брат напялил рюкзак, собрал удочки в пук.

- Как хочешь, а я пошёл. Если не рыбное, так зачем ты решил сюда поехать? Можно было под Соморовку, там омота настоящие.

Что мне было ответить брату? Соморовские омота, конечно, знаменитое место, никто не спорит. Только уж очень мрачно там, близкие берега очертенело позаросли непроходимым лесом, на омотах всегда темно, даже днём. Не люблю, брат, я теперь эти знаменитые омота, хотя было время, сам ловил там трёхкилограммовых сазанов.

- Иди, иди, - сказал я. - Скоро спущусь к тебе.

- Чудной ты стал, Мишаня, - сказал брат. - Другой бы ещё по темноте уже был бы на берегу, а ты... - И ушел бодрой походкой к реке.

А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их переключка. Слабенько проблеяли козы, мыкнула корова, - наверное, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под небольшого обрыва вылетела стая ласточек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы. Дух, дух, бух! - опять «бомбили» рыбаки на той стороне. Наверное, не клюёт.

Внизу у воды вовсю пылал костёр. Молодец, брательник, на рыбалке костёр - главное дело.

А я сидел и осматривал окрестности - в рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, - всё суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чём разгадка любимых моих Ивановских обрывов, - вот в чём магическая привлекательность этого места и причина моей любви к нему: именно тут мне удаётся достичь блаженной гармонии между мной, сырим и смертным, и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно» - то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает её: вспомните свои самые длительные путешествия - и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы - растения, камни, ручей, и облако над ним сложились в единственную незабываемую гармоничную композицию. Это и есть твоё окно в природу, человек суетный.

Михаил Смирнов. Башкортостан.

*Комары гораздо гуманнее некоторых женщин,
уж если комар пьёт твою кровь,
он, по крайней мере, перестаёт жужжать.*

К картине Г.В. Сороки «Рыбаки»

Спадает жар... Прощальные лучи -
Тем ярче, и желтее, и продольней.
Еще чуть-чуть - и заискрится донник
Росой, и где-то стадо замычит.

Удильщик, как загадочный Харон
(Темнеющий с потрепанной гравюры),
Висит над небом, в небе отражен,
Веслом выводит плавные фигуры.

Санкт-Петербург.

И тихо так, и ясно, и тепло,
И босоного, и штаны чужие,
Спасенным будет Спасское село
И мы, за то, что в нем когда-то жили!
Такое небо - будет ли еще?
Несется время бешеным аллюром.
Весло толкает лодочку под счет,
Желтеет облако, и рвется кракелюром.

Дмитрий Бобылев.

Прежде чем диагностировать у себя депрессию и занижать свою самооценку, убедитесь, что вы не окружены идиотами (Зигмунд Фрейд).

*«Жизнь принуждает
многое делать добровольно»*
(Станислав Ежи Лец)

Ц И Р К

Случайно подслушал:

- Да что там, Савельич, если он в школу... - и то в Курске: месяц - в одну; в Туле, два месяца - в другую. У него же, кроме как здесь, никаких корешков...

Не составляло труда догадаться, что речь о нём, о Татосе, и он сжался весь, представив, чего это стоит папе, гордецу из гордецов, - просить.

Присутствие на генеральном прогоне старшего брата вязало по рукам и ногам. Брату всё удавалось. У него же, Татоса, что-то непременно должно сорваться в самый ответственный момент, и от страха, что так и случится, он давно уже и безысходно впал в ооченелость, неодолимую при брате, которого вечно ставят в пример, который, будто в насмешку, слёту исполняет всё, над чем Татос бездарно бьётся месяцами, но так и не может осилить.

- Пусть он уйдёт!

- А публику с представления тоже попросим? - заметил отец, придумавший для него, немехи, этот номер.

- Пусть он уйдёт! - повторил Татос с истерикой, сорвавшей последний звук.

Брат, снисходительно улыбаясь, удалился в сторону фойе.

По взгляду отца с оркестрового балкона полилась музыка. Попав точно в условленный такт, Татос сбросил с себя на манеж роскошную белоснежную бурку, которая горкой улеглась в центре беспощадного к его промахам круга. Он был в чалме, блузе и шальварах восточного факира. Чалма не очень сочеталась с буркой, но создавала образ, а плотная кавказская накидка, касавшаяся подолом ковёрной покрышки, призвана была утаить от зрительских глаз механику фокуса.

Сценическим шагом, которому так долго обучал постановщик, и который казался Татосу журавлиным, он отдалился от сброшенного одеяния и, развернувшись, выбросил по направлению осевшего комом каракуля руки с нацеленными, подобно свету из фар, пальцами и повелительно крутанул головой, нарисовав носом правильный круг.

Оркестр смолк, оставив одинокий голос флейты, и тут, словно кобра, послушная дудочке заклинателя, бесформенно опавшая бурка стала вдруг подниматься, раскачиваясь из стороны в сторону. Руки юного иллюзиониста изобразили приказ к вращению. Затем повторили и ещё раз повторили его. Бурка с большой неохотой повиновалась, поворачиваясь в указанную сторону размахом плеч и отставая подолом, ещё лежащем на ковре манежа.

Маг тарачил и без того увеличенные подмалёвкой глаза и, зачерпывая пригоршнями, швырял в сторону купола воздух. Его неистовые жесты велели подниматься, и бурка, всё ещё лениво, но и не в силах ослушаться, выпрямлялась, обретая постепенно форму вещи, надетой на человека. От секунды к секунде её движения набирали энергии, ленца и заторможенность сменялись всё более заметным желанием подчиняться музыке и пасам, посылаемым руками повелителя. Никто не заметил когда, так вкрадчиво, к флейте присоседился барабан. Но зазвучал смелее, отчётливее. И убыстрял, делал заразительным ритм. Вскоре стало казаться, что это не бурка сама по себе - что в ней угловато и страстно отплясывает не на шутку разошедшийся человек-невидимка. Но вот безусый факир застыл, сковав в напряжении собственный жест. Каракулевая накидка тут же замерла и вытянулась по стойке смирно. Маг поманил её, скупым жестом направил себе за спину и милостиво позволил возвратиться ему на плечи.

Мэтры из худсовета аплодировали с той же искренностью, с какой отбивали себе ладони слетевшиеся поглазеть пришлые и свои. Татос отвесил заученный поклон и выпрямился. На лице его сквозь слой грима просвечивал горячечный румянец. Не веря в успех, чувствуя, что вот-вот расплатится, он поклонился ещё раз - уже без претензии на артистизм. Потом, одурманенный счастьем, хотел отступить, чтобы, как это часто делают, уходя, продолжать кланяться благодарной публике, но наткнувшись на невидимое препятствие, вдруг нелепо всплеснул руками и опрокинулся навзничь. Из-под взметнувшегося подола выпал на всеобщее обозрение прятанный между верхом и подкладкой лилипут Василий с раздвижной шваброй в руках. О него-то как раз и споткнулся всё позабывший от нечаянного успеха соискатель.

Оглушительный хохот взлетел под самый купол и рухнул оттуда на убийственно невезучего Татоса.

- А может, так и оставить? - всё ещё всхлипывая от смеха, предположил отец. - Неожиданно. И просто уморительно! Ну, уморительно же - а?..

На что сражённый катастрофой сын, воспринимая в данную секунду любую весёлость только насмешкой, выпалил, опережая рвущиеся рыдания:

- Папа, но я же фокусник, а не клоун!

- Ты пока, к сожалению, не то, и не другое... - был ответ.

Ноги сами собой принесли его в каморку под кровлей, где обитала Элька с питомцами и где умирала Елена Сергеевна - пожелтевшая от возраста, а некогда белым-белая, как его бурка, собачка с потешной бородкой и слезливыми старческими глазками.

Он дружил с Элькой и был влюблён в её маму. Вернее сказать, не в саму маму, а в изображение на прежней её афише, которое снилось ему по ночам. В снах отсутствовала событийность. Одну лишь заботливую нежность он чувствовал всем существом и видел лицо в ярком кокошнике.

Элька там, на прогоне, выступала сразу же вслед за ним и теперь показывала старейшинам свой номер. Он прошёл в закуток, где на боку, вдыхая редко и тяжело, совсем не по-собачьи, лежала Елена Сергеевна. Над животом и рёбрами вздымалась шишковатая опухоль, заметная под неопрятной шерстью. Обессиленный, он сел рядышком на пол, положил руку на её голову. Представилось, какой была Елена Сергеевна в роли строгой учительницы - при очках и за комичным отдельным столиком.

Сил не было и сидеть - он лёг на бок, намеренно уткнувшись лицом в сухой и шёрхлый собачий нос и тихо, горько, как никогда, заплакал.

Здесь, в этой комнатке, варили для собачек кандёр из крупы и мелко нарезанного мяса. Или варёной колбасы - обжаренной и расчленённой кубиками. На слабой электрической плитке ведёрная кастрюля стояла подолгу, чуть ли не целый день, и соблазнительно пахла на весь цирк. Он чинил эту плитку, на которой то и дело перегорала спираль, и ел вместе с дрессировщицами и собачками аппетитнейшее это варево.

Её, Элькину маму, в свой час называли солнечной девочкой. Но вот она стала брать на арену Эльку, и, подрастая, солнечной для всех сделалась та. Она отнимала на себя всё внимание, весь восторг публики и сияла ярче и ярче, купаясь в этом восторге. Понимая рассудком, что Элька ни в чём не виновата, мать ничего не могла поделать с ревностью, которая терзала её отчаянно. Особую неприязнь вызывали удачные находки девочки в их общем деле. Тогда, окончательно теряя терпение, она переходила на «вы», заявляя одно и то же: «Вам, Эльвира Эмилиевна, не то, что собачек, - вам людей доверить было бы преступно!»

И вот, оставив Эльке взрослых, знающих назубок свои роли собачек, она забрала недоученный молодняк и отпросилась гастролировать отдельно.

Элька любила маму, знала, что и мама любит её, но с ощущением потери после отъезда мамы чувствовала и облегчение, понимая, что так лучше, что вместе им не ужиться. Впрочем, понимание это никак не избавляло от пустоты сиротства - прежде половинного, только по папе, теперь же - круглого.

Услышав её счастливый голос и цокот множества собачьих коготков, Татос сел, пачкая потёкшим гримом рукав, промакнул лицо. Элька впорхнула, как на крылышках. Увидав его, из деликатности пригасила свет радости на лице. И посетовала:

- Вижу - хорошо принимают - и разошлась, плюхнулась с лёту на тумбу. А блёстка...

Она повернулась: сзади, от нижней линии трусиков, всплошную унизанных сверкающими чешуйками, каплей, оставляющей алый след, стекала кровь.

С полки, которые все были подняты повыше, недосыгаемо для собачек, сняла пузырёк с почерневшей, будто обгоревшей пробкой, торчащей из горлышка, подала ему. Затем, стараясь не испачкать их кровью, сняла трусики, повернулась к нему ранкой.

- Только подуй сразу, ладно?

Его не волновал вид Элькиной раздетости, ну, может быть, самую чуточку. Он привык. Да и она, не прячась, не прикрываясь, упрощала всё до ничего не значащей обыденности.

Вчуже чувствуя жжение, которое причинит ей, он сквозь стиснутые зубы потянул в себя воздух и опрокинул пузырёк, чтобы смочить йодом пробку. Прижигая, дул так, что зашумело в голове.

- Как там Сергеевна? - спросила она, отшпиливая от волос корону.

- Плохо. А у тебя - там?

- Приняли, - чтобы не очень хвастать перед ним, произнесла она беспечно. И, гибко выкальзывая из чешуйчатого топики, прибавила: - И твоё примут, папе не откажут.

Она хотела сказать хорошее, утешительное для него и вовсе упустила из виду, что ещё раз напомнила: он без отца - ничто.

Поднявшись на цыпочки, повесила проволочные плечики с костюмом для представлений на гвоздик выше полок и накинула на себя детский свой сарафанчик с надорванным кармашком. Присев рядом с ним возле Елены Сергеевны, сказала:

- Дядь Сашу позвала. Он говорит - усыпить. Своими руками, Татосик, - мыслимо?..

Он не ответил - гладил голову Елены Сергеевны, касаясь Элькиной руки, которая почёсывала там же, за ушком. Собачка косила в их сторону благодарный жалостливый взгляд.

Постучали.

- Да! - отозвалась Элька.

Вошёл дядя Саша - ветеринар, а также электрик и слесарь, когда нужно. Присел, вздохнул печально.

- Жалко, дядь Саш, я не могу.

- Она же мучается, пойми!

- Ей очень больно?

- Человек на её месте кричал бы, не умолкая.

- А если - обезболивающее? Кто-кто, а она заслужила. Столько лет первая...

- Где же взять, Эль? Из-за наркош паршивых человеку не добудешь, а тут... И только растянули бы агонию. Решайся!

- Не знаю. Жалко. Ой, как жалко! - заплакала она.

- А как же не жалко? Конечно, жалко!

- Прости нас, Еленочка! - склонилась она к собаке, целуя. - Прости! Прости!

- Ты только остальных уведи. Они и так уколуют... А это увидят - вовсе в руки не дадутся.

Плачущая в голос Элька кликнула собачек, вышла.

Доктор, по-детски хлюпая раскисшим носом, наполнил шприц.

- Это без мучений? - спросил Татос.

- Без. Все мышцы разом парализует - сердце, лёгкие. Несколько секунд. Прикрой ей глазки, пошепчи что-нибудь.

Мальчишка с размытым гримом на лице и в съехавшей набекрень испачканной чалме положил ей на глаза руку, припал губами к уху. Слов не нашёл.

Дрожь тремя рывками, а потом - едва заметная прошла по телу Елены Сергеевны после укола. Через минуту она затихла навсегда.

- Дядь Саш, - попросил Татос, следуя тому, что на душе. - А можно и мне такой укольчик?

Г.С. Кулишкин. Харьков.

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель после метели.

Только утихла пурга,

Разом сугробы осели

И потемнели снега.

В клочьях разорванной тучи

Блещет осколок луны.

Сосен тяжёлые сучья

Мокрого снега полны.

Падают, плаваются, льются

Льдинки, втыкаясь в сугроб.

Лужи, как тонкие блюдца,

Светятся около троп.

Пусть молчаливой дремотой

Белые дышат поля,

Неизмеримой работой

Занята снова земля.

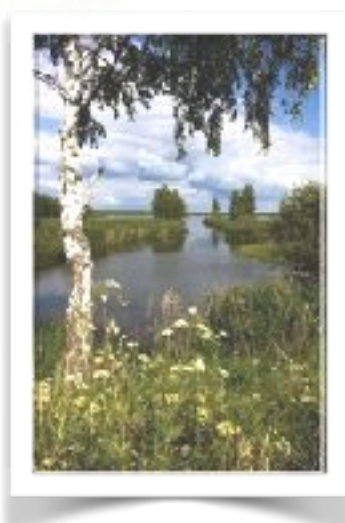
Скоро проснутся деревья,

Скоро, построившись в ряд,

Птиц перелётных кочевья

В трубы весны затрубят.

1948 Николай Заболоцкий

Без названия речка...

Без названия речка,
И не речка - ручей,
И берёзонька-свечка,
Рядышком с ней.

Два сердечка счастливых,
Вкруг цветочная даль,
Синь небес молчаливых,
Белой дымки вуаль.

Куполочек церквушки
И шалун-ветерок.
Солнце сушит веснушки,
У забытых дорог.

Виктор Шамонин-Версенеv
Сайт «Свете Тихий»

На одесском рынке.

- Молодой человек, зачем было забивать такого маленького кролика?! В нём же почти нет мяса!
- Я его забил?! Здрате! Он сам умер!

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Николай Греч
С.-Петербург, 1796

Роман.

Книга первая

I В первых числах сентября два молодые человека во фраках, но, как заметно было по всем их приемам, военные, сидели на скамье в большой аллее Летнего сада. Немногие городские жители пользовались ясностью приятного осеннего дня. Один из молодых людей всматривался в прохожих, перемигивался с приятелями, кланялся знакомым; другой сидел тихо, смотрел в землю и чертил что-то тросточкою на песке.

- Что ты опять задумался, князь? - спросил первый у своего товарища. Князь не отвечал и, по-видимому, не слышал вопроса. - Полно размышлять! - повторил первый громче. - Опять ты в своих воздушных чертогах! Очнись. Вспомни хоть о товарище, которого ты оставил на земле.

Князь взглянул на него, как будто припоминая, где он и что с ним делается, и после минутного молчания сказал:

- Виноват, друг мой! Я не знаю... Что бишь такое?

- Ничего! - отвечал друг. - Только пора обедать. Ведь у сестрицы твоей ждать не будут, а если застанем ее за столом, то придется выслушать длинную рацею твоей мачехи о разврате рода человеческого, обедающего ныне после полудня.

- Ты прав! - сказал князь, вставая. - Поедем.

Молодые люди, взяв друг друга под руки, вышли из сада и сели в карету.

- К сестрице! - сказал князь.

- К Алевтине Михайловне! - закричал лакей, вскочил на запятки, и карета помчалась к Таврическому саду.

Князь в карете молчал по-прежнему. Приятелю это вскоре наскучило.

- Если б я не знал тебя с младенчества, если б не был свидетелем твоей задумчивости в корпусе, то подумал бы, что ты влюблен, милый князь! Брось, сделай дружбу, этот обычай. Ты часто приводишь в смущение всех друзей и знакомых. Посреди шумного общества, в кругу веселых товарищей ты вдруг умолкнешь, задумаешься, не видишь, не слышишь ничего. В корпусе думали мы, что ты размышляешь о дифференциалах и интегралах. Но вот я воротился после пятилетней разлуки и опять нахожу тебя букою и философом, как прозвали тебя в детстве товарищи.

- Что делать, Хвалынский, - отвечал князь, - никто не волен в своем нраве, когда нрав этот получил направление с первых дней его жизни. Ты знаешь, что младенчество мое протекло среди ужасных происшествий, что я в детстве был очевидцем таких явлений, каких иной во всю жизнь не встретит, потом осиротел, остался одинок и изныл бы душою, если б не сохранила меня дружба. Она вспыхнула в наших сердцах в одну секунду, когда нас привезли в корпус, к генералу Пурпуру, тебя - из Пскова, меня - из Симбирска. Помнишь ли? Мы оба вдруг очутились на чужбине, среди людей неизвестных, и, когда удалились наши проводники, мы бросились друг к другу в объятия и залились горькими слезами.

- Помню, помню! - сказал Хвалынский с чувством. - Как усладительны эти воспоминания! Течением времени они во мне отчасти изгладились, но ты, вижу, памятьливее меня. Когда ты говоришь о времени нашего детства, прошедшее воскресает в душе моей, и мне кажется, что я, как прежде, хожу с тобою по корпусному саду в кофейном камзолчике, потом в голубом, а наконец и в мундире. Продолжай, продолжай, любезный князь!

- И мне эти воспоминания несказанно приятны. Ты один привязывал меня к жизни. Казалось бы, что пылкий, ветреный, шумливый Хвалынский не может быть другом угрюмому, молчаливому, подчас и несносному Кемскому, но не так было на деле: ты был резов, но чувствителен, смел и неугомонен с другими товарищами - со мною уступчив, тих и нежен. Кровати наши стояли рядом. Помнишь ли, как я однажды в испуге от сновидения вскочил с постели и, конечно, больно бы ушибся, если б ты не схватил и не удержал меня?

- Помню! Помню! Ты был бледен, дрожал и, глядя ужасными глазами в угол комнаты, кричал: вот она! Вот черная женщина! Страшно, как вспомню!

- И мне страшно: в эту самую ночь скончался батюшка.

- Что ты? Вот этого я не помню! Странно! И в эту ночь тебе так причудилось? Поди же, толкуй с философами! А право, я думаю, в человеке есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да вряд ли и впредь разгадают...

- Точно, - сказал князь Кемский, сжав руку своего друга, - есть, наверное есть; только не все это видят, не все этому верят.

- А ты веришь? - спросил Хвалынский с любопытством.

- Уверен! - отвечал князь. - Причин не знаю, самых явлений растолковать не умею, но они существуют. Мысль ли это, облеченная воображением в видимые формы, затаившееся ли в душе воспоминание былого случая, которое в памяти рассудка исчезло, только есть видения, представляющиеся не внешнему, а внутреннему нашему зрению в виде существ действительных. Есть! Есть!

- И ты говоришь об этом так утвердительно? - сказал Хвалынский в недоумении. - Я считаю это одною догадкою.

- Догадкою! - отвечал князь, улыбнувшись. - Догадкою! Когда я говорю тебе, что такие видения бывают, что мне представляются они часто, и не без причины!

- Да отчего же именно тебе, и тебе одному? Я, например, никогда не видал ничего подобного; разве, бывало, иногда на походе, в Польше, после хорошего обеда, причудится какая-нибудь глупость.

- Понимаю, - сказал князь, эти призраки - дымок виноградного жару. Я говорю о другом: случаются видения наяву, когда человек обладает всем рассудком и всеми чувствами. И эти явления имеют связь с его душевными движениями, прошедшими, настоящими и будущими. Ты говоришь: отчего не всем видятся эти призраки? А я спрошу: отчего не всем нравятся, не всем понятны музыка, живопись и другие выражения наших внутренних ощущений? Образование, обучение для этого не нужны: надобно особенное устройство души и ее органов. Одного учат музыке весь век, а он ничего в ней не слышит и не чувствует, в другом при первом звуке мелодии, родной с его душою, возникают ощущения, дотоле неведомые. Так и с голосом духовного мира: он внятен только тому, кто одарен способностью его слышать.

Князь умолк и задумался по-прежнему. Лицо его пылало; глаза сверкали. Хвалынский смотрел на него с изумлением: он никогда не видал своего друга в таком исступленном положении, хотел просить подробнейшего объяснения, но в это время карета остановилась у подъезда, отворились дверцы, и оба друга вышли.

II Мы знаем, что молодые друзья приехали к сестре одного из них.

Алевтина Михайловна, не родная сестра князя Кемского, была дочь храброго генерала Астионова, убитого в первую турецкую войну. Матушка ее, Прасковья Андреевна, сочеталась вторым браком с вдовцом, князем Кемским, у которого был один сын, герой нашей повести, и вскоре, как говорится, схоронила и второго мужа. Дочь ее Алевтина воспитывалась у ней в доме; пасынок, князь Алексей Кемский, - в кадетском корпусе. Он был моложе сведенной сестры двумя годами, и, когда он едва выходил из отрочества, Алевтина блистала уже на всех балах и праздниках. Генерал Астионов прожил почти все свое имение на службе, но князь Кемский оставил четыре тысячи душ, назначив попечительницею своему сыну его мачеху и объявив падчерицу свою наследницею имения и фамилии князей Кемских, если б сын его умер бездетным. Почему князь нежно любил вторую жену свою? Нельзя сказать; разве если примем правило: кого боишься, того и любишь. Она умела овладеть умом и волею слабого старика и заставила его написать завещание в пользу дочери, уверив, что из любви к нему отказала в руке своей миллионщику, который хотел, женись на ней, записать все имение Алевтине. Между тем, молодые лета, цветущее здоровье и крепкое сложение Алексея Кемского тревожили мачеху.

- Бедное дитя! - говорила она, вздыхая. - Все мир да мир; выйдет в службу, а отличиться нет случая. Я обещала покойнику, князю Федору, непременно заставить сына пойти в военную службу, а теперь не знаю, в прок ли это ему будет. Ну, что за военная служба в мирное время? Бедный мальчик! А он так и рвется, как бы положить живот за государыню и отечество. Подойдет к портрету моего покойника, Михаила Федосеича, да по часам глаз не сводит с георгиевского креста - такая военная натура!

Княгиня Прасковья Андреевна, которой в то время было уже за шестьдесят лет, могла служить живым примером тому, что для проложения себе тропинки в мире не нужно иметь ни блистательного ума, ни отличного воспитания и что эти качества очень хорошо могут быть заменены постоянством в преследовании своей цели, сметливостью, хитростью и лицемерием. Она воспитана была по старине, грамоте знала плохо, ничего в жизни не читала, по-французски говорила только: *бон-жур* и *бон-суар*, *ан-шанте* и *дезестуар*, а между тем умела найти себе двух хороших мужей, воспользоваться в свете блистательным именем одного, княжеством и богатством другого.

Видя очень хорошо, чего недостает ей самой, она старалась заменить эти недостатки воспитанием своей любезной Алевтины, единственной наследницы ее умственных и нравственных качеств. Алевтина получила образование светское: говорила по-французски и по-италиански, как уроженка Орлеана или Флоренции, танцевала как четвертая грация, играла на фортепиано и на арфе, пела как соловей, рисовала без помощи и поправок учителя. Природа украсила ее всеми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, горбатой Прасковьи Андреевны была высока ростом,

статна, грациозна, можно сказать, величественна. Большие черные глаза беспрекословно повиновались ее расчетам и, как храбрые воины, в нападении на врага исполняли долг свой. Руки нежные, но не малые; ножки - их никто не видал: Алевтина не любила короткого платья, и хотя во время ее служения в светском легионе мода ровно семнадцать раз выставляла любопытным взглядам ножки милых жриц своих, но Алевтина в этом пункте была непреклонна. Во все продолжение моды, которую называла *неприличною*, она приметно тосковала и даже спадала с лица, но лишь только, бывало, заметит в модном журнале, что платья начали опускаться, вдруг развеселится и похорошеет. Лицо у ней было правильное, овальное: рот не ротик, но зато зубы белые, ровные, блестящие. Неприятнее всего у ней был голос, звонкий, грубый, повелительный. Ум и нрав, как уже сказано, заимствовала она у своей родительницы, но образовала их по требованиям века и новых обстоятельств. Столь же постоянная, хитрая и проницательная в достижении того, что она почитала целью жизни, Алевтина отринула кроткое лицемерие своей матери: начитавшись романов и рассуждений о добродетели и пороке, она составила свою собственную систему нравственности, облекла ее в громкие фразы и всенародно проповедовала. Добродетель, вечность, ничтожество благ земных, святость дружбы и родства, великодушие, забвение самой себя - были у ней беспрерывно на языке. И - странное дело! - люди, ее окружавшие, даже те, которые имели с нею отношения независимые, не близкие, были как будто заколдованы этим тоном, повелительным и не допускающим противоречий; знали, что на сердце у ней совсем не то, что на языке; видели ее поступки, не сходные со словами - и молчали, покорялись ей, изредка только позволяя себе заметить кое-что об этом страшилище добродетели.

Под руководством хитрой матери, пользуясь и действуя своими дарами, природными и приобретенными, Алевтина, холодная и бессердечная, не могла не сделать хорошей партии. К тому же должно прибавить, что княгиня управляла в звании опекуны всем имением своего пасынка и пользовалась его доходами как собственными, называла его деревни и дома своими и провозглашала дочь свою наследницею четырех тысяч душ. Эти прелести, эти добродетели, эти души пленили сердца многих. Алевтина могла выбрать любого. Она долго колебалась, рассчитывала и наконец подала руку пятидесятидвухлетнему генерал-поручику Элимову. Все изумились: девятнадцатилетняя, блистательная, светская девица выходит замуж за старика! Но она знала, что делает. Муж чиновный, в александровской ленте, кандидат в генерал-губернаторы, представлял великолепную перспективу ее властолюбия.

Элимов же, со своей стороны, рассчитывал, что ей достанется великолепное имение, которым пользуется ее матушка. Красота, ум, таланты Алевтины не умножали ее достоинств в глазах жениха; нрав крутой, повелительный их не уменьшал. Элимов был выведен в люди слепым случаем, прожил небольшое свое имение и решился поправить состояние браком.

Оба ошиблись в своих расчетах: Алевтина, вскоре по вступлении в замужество, увидела, что муж ее человек ничтожный и по уму и в свете. Его принимали в домах, приглашали на обеды и вечера, но он везде играл роль самую посредственную, и не было никакой надежды, чтоб он когда-либо мог возвыситься службою. Это открытие привело было молодую жену в отчаяние, но она утешилась мыслию, что нет такой вещи в свете, которой нельзя было бы поправить терпением, постоянством и умом, и решилась пользоваться настоящим. Элимов, со своей стороны, узнал, также после свадьбы, что только малая часть имения князя Кемского достается жене его и что истинный наследник жив и воспитывается в корпусе. Не трудно понять, что последовало за этими открытиями: объяснения, ссоры, упреки, остуда. Высокопарные фразы Алевтины, возгласы о добродетели и бескорыстии не действовали на жесткую душу Элимова: он насмеялся над ее нравоучением и красноречием, ездил в английский клуб, играл до глубокой ночи в вист - и проигрывал, сколько было возможно. Одно должно сказать в похвалу ему: узнав, что у Алевтины есть брат, сирота, он поспешил навестить его в корпусе и, нимало не помышляя о том, что этот молодой человек препятствует ему поправить свое состояние, приласкал его, впоследствии полюбил искренно и всегда защищал бесприютного сироту от явных и скрытых нападений своей жены и тещи. Элимов был человек необразованный и не слишком нежный, но в военной службе напитался правдоушием и доброжелательством к ближнему: он женился по расчету, но никогда, по расчету, не обидел бы своего шурина.

Шесть лет протекло в этом браке. Элимов получил приказание ехать к армии, стоявшей тогда в Польше. Он охотно поскакал под пули, чтоб отдохнуть от беспрерывной домашней перепалки, и чрез месяц пришло известие, что он убит в сражении. Алевтина увидела себя вдовою на двадцать шестом году, с тремя детьми. Все церемонии, обычные при таких случаях, исполнены были во всей точности: при получении письма, в котором адъютант покойного, капитан фон Драк, с достоуважительным чинопочтением извещал ее превосходительство о постигшей ее и отечество потере, она упала в обморок; очнувшись, при помощи домашнего доктора, чрез четверть часа; велела пустить себе кровь и слегла в постель. Чрез три дня, когда поспел глубокий траур, вышла она из спальни и начала велеречиво толковать о бренности жизни человеческой, о бессмертии души, о награде на том свете, об отечестве, о сладости умереть на поле брани

и так далее. Печаль ее прошла скорее траурного года. Она очутилась вновь на свободе еще молодой и красавицею. Многие из прежних вздыхателей бросились искать руки ее. Она слушала их рассказы о сердечных страданиях, глядела на небо и утирала слезу.

- Кто возьмет за себя бедную вдову с тремя сиротами? Не те времена! - говорила она.

III В то время, с которого мы начали рассказ, исполнился год по кончине генерала Элимова.

Когда князь Кемский вышел из кареты, очутились у подъезда несколько человек слуг. Все они с искренним усердием, без низкого раболепства, приветствовали своего доброго барина: они видели в нем истинного наследника господ своих; чувствовали, что, поступив под его законную власть, отдохнут от попечительства добродетельных барынь. Князь Алексей, поздоровавшись с добрыми людьми, порасспросив кое о чем стариков, взошел на лестницу. Хвалынский, поискав лорнетом, нет ли в этой толпе представительниц прекрасного пола, последовал за своим другом.

Молодые люди вошли в гостиную. На софе, перед круглым столиком, сидела княгиня Праксавья Андреевна, маленькая, сухощавая старушка в простом белом платье, в старушечьем чепчике с крыльями, и вязала сетку на палочке. Подле нее, на вышитых подушках, лежали две гнусные моськи. Над софою висели два портрета: Михаила Федоровича Астионова в армейском мундире, и супруги его, в высокой прическе семидесятых годов: на портрете она сохранила свою умильную улыбку; в руке у ней был пестрый тюльпан. Вокруг портретов висело около двадцати фамильных силуэтов. Комната убрана была в старинном вкусе: в бортах стенной живописи извивались арабески, в которых гнездились небывалые в природе птицы. Посреди комнаты висела большая люстра с гранеными стеклышками. Мебели простого дерева, выкрашенные белою краскою с синими каемками, на спинках стульев нарисованы цветы. Окна украшены белыми миткалевыми занавесками. Под зеркалами, в золотых рамах, стояли белые мраморные столики на деревянных вызолоченных ножках, на столиках фарфоровые вазы с душистыми травами. На уступе изразчатого камина представлялась в лицах эклога Александра Сумарокова: фарфоровый пастушок *мле*л у ног фарфоровой пастушки. На аркадскую сцепу смотрели сбоку два китайские урода.

У одного окна сидела в креслах Алевтина Михайловна в модном утреннем negligé и, думая о чем-то крепкую думу, играла в рулетку. Перед нею стоял в покорном молчании капитан Иван Егорович фон Драк, в мундире, при шпаге, держа пальцы по квартирам, смотрел ей в глаза и готовился сказать: "Да, да! Точно так, ваше превосходительство!"

Как очутился здесь адъютант? Предав земле тело своего генерала и не чувствуя в себе охоты последовать его примеру, он выпросился в Петербург под предлогом необходимости его присутствия для сдачи дел генерала по начальству. Главнокомандующий не поколебался уволить его и, когда фон Драк пришел к нему, чтоб поблагодарить за отпуск и откланяться, сказал вслух при многих офицерах: "С Богом, батюшка, с Богом! Помилуй Бог, сколько было дел у покойника! Вам не справиться до окончания кампании. Оставайтесь же в Петербурге сколько угодно: мы и без вас как-нибудь сладим". Все присутствующие засмеялись. Фон Драк низко поклонился, вышел из палатки и на вопрос одного товарища, как его принял генерал, отвечал с восторгом: "Как сына родного! Этакой милости я не ожидал. Шел было к нему, как на батарею, а не: обласкал и осчастливил! Истинно великий человек!" И вот он приехал в Петербург и поступил в прежнюю должность, не догадываясь, какие великие судьбы его ожидали.

- Ах, милый друг Алеша, - вскрикнула княгиня, приподнимаясь с канапе. Князь Алексей подошел к ней и с учтивостью и ласковым взглядом поцеловал ей руку.

- Каковы вы в своем здоровье, маменька?

Между тем Хвалынский, готовясь в свою очередь подойти к руке, исподтишка модным востроносым сапогом толкнул спавшую моську. Она завизжала, а другая залаяла.

- Тише, проклятые! - закричала княгиня, замахнувшись на них табакеркою. - Слава Богу, душенька! Вчера дурнота прошла от капель Христиана Карловича; я сегодня у Всех Скорбящих всю раннюю обедню отстояла, так теперь что-то устала. Да это пройдет. А ты, голубчик, здоров ли, ангел мой?

Князь Алексей поклонился и повернулся к сестре. Хвалынский, в свою очередь, поздоровался с княгинею. Зоркая старуха, заметив, что он был виною страданий и вопля бедных мосек, отвечала ему на вопросы с явною досадою.

- Bon jour, mon frere! - сказала, встав с своего места, Алевтина, как будто пробужденная из какого-то глубокого размышления. Князь поцеловал ее.

- Qu'avez vous, ma chere? - спросил он. - Vous etes pensive?

- Ce n'est rien, mon cher! - отвечала она, стараясь скрыть волнение душевное.

- Послушай, душа моя, Алешенька, - начала княгиня, - я скажу тебе новость! - Алевтина покраснела, топнула ногою и взглянула на мать свою грозным оком. Княгиня отвечала дочери взглядом же, чтоб она не боялась, и продолжала начатое: - Княгиня Пелагея Васильевна женит

сынка на купеческой дочке и берет полтора миллиона чистогану. Вот умная женщина! Покойник-то князь все спустил в карты, а она, матушка, видишь, как поправляется.

- Знаю, ваше сиятельство! - возразил, смеючись, Хвалынский. - Я собираюсь поднести новой княгине самого лучшего парижского порошку, чтоб вычистить зубы. Румян и белил у ней довольно.

Княгиня с возрастающей злобою глядела на Хвалынского и искала в уме ответа. В это время фон Драк, не замечая, что поднимается буря, подошел к князю Алексею, и сказал с низким поклоном:

- Все ли вы в добром здоровье, ваше сиятельство, князь Алексей Федорович?

- Здоров, а вы, Иван Егорович? - спросил князь приветливо.

- Да-с, не могу не быть здоровым! - отвечал он, раболепно поглядывая на Алевтину. - Ее превосходительство... (Алевтина взглянула на него значительно и гневно.) Да, да, да! - пробормотал дробью фон Драк, смешавшись.

Молодые люди замечали, что в доме происходит нечто необыкновенное, что все в каком-то смущении: видно, скрывают и, кажется, хотят открыть. Не знаем, что последовало бы за этим, если б не вошел в комнату низенький, толстый дворецкий в сером фраке с объявлением: "Кушанье поставлено!". Княгиня поднялась. Алексей подал руку мачехе и повел ее. Хвалынский хотел повести Алевтину, но она, представаясь, будто не замечает его движения, подала руку Ивану Егоровичу, который до принятия этой чести низко поклонился. Молодой ветреник вскоре утешился: в столовой подошел он к миловидной гувернантке, которая привела к обеду детей, и забыл обеих барынь.

За столом господствовало молчание. Хвалынскому казалось, что обе хозяйки задумываются и размышляют о чем-то важном. Князь Алексей был молчалив и задумчив по обыкновению. Фон Драк, занимая всегдашнее свое адъютантское место, насупротив командира, разливал суп, но не с обыкновенными своими форменными приемами: он был также в каком-то смущении. Это безмолвие наскучило Хвалынскому, он начал экзаменовать заслуженного адъютанта.

- Что, почтеннейший Иван Егорович, сколько сегодня градусов тепла?

- Тринадцать с половиною в тени, - отвечал фон Драк.

- А барометр каков?

- Поднялся на три линии со вчерашнего вечера.

- Какой сегодня ветер?

- Юго-восточный тихий.

- Что вода в Неве?

- Убыла против вчерашней на полтора дюйма.

- Исправно! - сказал Хвалынский и, заметив, что этот разговор досаден Алевтине, прибавил: - Удивительно! Как лексикон! Такой адъютант, чудо! Скажите, почтеннейший Иван Егорович, сколько вы клали померанца на бутылку в этот бишоф - прекрасный!

Алевтина вышла из терпения:

- Иван Егорович, - отвечала она в сердцах, - этим не занимается. Он истинный мне друг и руководитель детей моих. Не его вина, что скромные добродетели не находят ценителей в нынешнем мишурном свете. Дети мои...

- Ах, точно, Алевтина Михайловна! Я знаю, как достойный капитан печется о ваших детях. Скажите, почтеннейший Иван Егорович, как спала эту ночь Катенька? Она зубы делает, так, я думаю, вам отдыху не дала!

- А почему же так? - спросил фон Драк в замешательстве. - Не могу-с этого знать, да...с.

- Так вы уж перестали ее укачивать?

Алевтина вспыхнула:

- Помилуйте, Александр Петрович, с чего вы взяли, что Иван Егорович укачивает детей?

Хвалынский смеялся, не отвечая ни слова.

- Это-с оттого-с, ваше превосходительство, - сказал фон Драк, - они-с, то есть Александр Петрович-с... однажды-с видели-с, как я укладывал спать Платона Сергеевича, так они-с и заклучили-с, будто-с...

- Истинный друг мой, благодетель моих сирот! - сказала Алевтина торжественным голосом. - Пусть порочный свет судит о тебе по своим превратным понятиям. Я тебя понимаю! - С этими словами протянула она чрез стол руку свою к фон Драку, который схватил ее и с почти-тельным жаром поцеловал. Князь Алексей смотрел на сестру с изумлением.

- Это что? - спросил Хвалынский в недоумении.

- А это то, - отвечала ему с злобою Алевтина, - что вы своими неуместными шутками заставляете меня при вас, при чужом человеке, открыть тайну, которую я хотела объявить в тесном кругу своего семейства. Знайте же, сударь...

Князь, видя возрастающий гнев сестры своей, прервал ее с кротостью:

- Полно, сестрица! Не сердись на моего Александра.

- Он любит посмеяться, но, право, никого обижать не станет. И вы, Иван Егорович, конечно понимаете дружеские шутки?

- Как не понимать, ваше сиятельство, да-с, точно-с, они шутить изволят-с.

- А я этого не терплю! - сказала Алевтина, вставая из-за стола. - На все есть время и место!

- Она перекрестилась, обратясь к образам, поспешно подала руку адъютанту и пошла в гостиную впереди всех. Прочие последовали за нею в безмолвии. Князь, посматривая на Хвалынского, качал с упреком головою, Хвалынский отнекивался взглядами, с трудом удерживаясь от смеха, а княгиня шла с пасынком, бормоча что-то сквозь зубы. В гостиной все по заведенному этикету подошли к ручке, сначала к княгине, потом к Алевтине Михайловне. После этого уселись на софе и на близстоящих креслах. Фон Драк также занял место по нетерпеливому приглашению Алевтины. Минут десять продолжалось прежнее молчание. Наконец Алевтина откашлялась громко, по своему обыкновению потеряла руки, как будто умываясь, и начала следующую речь:

- Любезный братец! Я хотела было наедине сообщить тебе о предмете весьма для меня важном, но теперь решила говорить при всех (взглянув значительно на Хвалынского). Подкрепляемая правилами религии и добродетели, я не боюсь толков, но, уважая в себе достоинство женщины и матери, должна стараться избегать их. Итак, объявляю тебе, что я решила вступить в брак. (При этих словах фон Драк встал и почтительно поклонился всей компании.) Пусть свет судит по наружному блеску и минутной славе: я наслаждалась всеми его благами и не нашла в них удовлетворения истинным моим чувствам и мыслям. Есть достоинства, которыми затмеваются все фальшивые блески развратного и недостойного света. Есть люди, которые под скромною наружностью скрывают необыкновенные достоинства и одними добродетелями своими заставляют молчать злобу, клевету и зависть. Есть наслаждения душевные, которые превыше всех тщетных удовольствий в вихре светской жизни. Я нашла себе друга, нашла отца моим детям и решила соединить с ним навеки судьбу свою. Вот мой жених!

Она произнесла последние слова с напряжением всех сил своих, указала на фон Драка, залилась слезами и закрыла глаза платком. Все остолбенели. Князь не знал, что делать. Хвалынский тоже. Фон Драк глядел на всех с вопросительною миною. Старушка княгиня нюхала табак и смотрела на моську.

Князь прервал утомительное молчание:

- Не могу не одобрить вашего выбора, сестрица, - сказал он в величайшем замешательстве.

- Я сам всегда уважал Ивана Егоровича за его честность, исправность по службе, уважение к старшим, за его... - Князь остановился, не зная, чем кончить. - Но маменька, - сказал он, - как маменька думает? Скажите, маменька, что вы думаете?

- Никто как Бог! - отвечала княгиня со вздохом и умильным взглядом в передний угол комнаты.

- А сам Иван Егорович? - спросил князь, более и более смущавшийся.

- Он! - вскричала Алевтина. - Он, эта добродетельная душа, он открыл мне свои чувства, он уже давно... - При этих словах фон Драк бросился пред нею на колени и, подняв руки, вскричал: "Владычица души моей!"

Алевтина, видно боясь дальнейшего объяснения, сильно притиснула его ртом к корсету, то есть прижала к сердцу нежной невесты, но Хвалынский довершил начатое и прошептал на ухо изумленному князю:

Познай, колико я тобою страстен!

Познай, колико я несчастен,

Став пленник красоты твоей!

Засим пошли, как водится, поздравления, лобзания, слезы. Хвалынский восхищался комическою сценою, но князь был очень огорчен странным поступком Алевтины: не знал, чему приписать мгновенное воспаление пламенной страсти в умной женщине к деревянному капитану, и поспешил с другом своим выбраться из дому. Карета еще не приезжала, и они пошли пешком.

IV Дорогою Хвалынский дал полную волю смеху, который так долго удерживал в границах.

- Ай да жених! Ай да супруг! И гордая генерал-поручица, покоренная любовною страстью, выходит замуж за капитана! Превосходительство и благородие! О любовь! Любовь! Какие штуки ты творишь на свете!

- Тебе смешно, - сказал князь, - а мне так очень больно! Алевтина, умная, расчетливая, гордая Алевтина, выбрала этого болвана! И так скоро, так неожиданно! Непонятно и крайне обидно!

- А тебе что до этого за дело? - спросил Хвалынский. - Ведь она тебе почти совершенно чужая. Твой отец женился на ее матери - что это за родство?

- Конечно, не близкое, - сказал князь, - но у меня другой родни нет. К тому же я свято чту волю покойника батюшки: он назначил Алевтину и детей ее наследниками моего имени, если

б я не имел своих. Это утверждено законным порядком. Но я и без его завещания поступил бы не иначе. Покойника ее мужа уважал я искренно. Сергей Борисович был человек простой, необразованный, можно сказать, дикий, но имел доброе сердце, был честен и любил меня, как родного. Я обязан воздать тем же его детям. И поверишь ли, иногда закрадывается в душу мою странная мысль, что я отнюдь не должен жениться - для исполнения воли моего отца?

- Вот это вздор! - сказал Хвалынский. - Покойный Элимов никогда не решился бы на такую жертву для чужих детей.

- А почему знать? Тебе известен поступок его с сыном бывшего его начальника, Ветлина. Узнав о смерти благодетеля своей юности, убитого под Измаилом, он поспешил к его вдове и нашел ее на столе: она умерла в родах. Добрый Элимов взял новорожденного сына, привез к себе в дом и объявил жене, что намерен воспитать сироту наравне со своими детьми. Жена и теща напали на него, называя мотом, врагом своего племени и так далее. Но он устоял, как храбрый воин. Ребенка окрестили. Сам Элимов был его восприемником. По совершении обряда, поцеловав крест, Элимов сказал мне строгим голосом: "Знаешь ли ты, князь Алексей, что значит это крестное целование? Я присягнул пред Богом и людьми быть отцом, наставником и защитником этого несчастного младенца. Но мне не долго остается жить на свете. Вряд ли я дождусь того, чтоб мой крестник вырос. Меня не станет, так ты заплатишь за меня долг моему доброму командиру и благодетелю". При этих словах на грубом, диком лице Элимова проглянуло какое-то необыкновенное чувство; слеза выкатилась из-под густых бровей по израненной щеке. Тогда в первый и в последний раз я видел его плачущего. И я оставлю детей человека, который так благородно пекся о чужих детях? Нет! Я не даю монашеского обета, не отказываюсь вовсе от возможности жениться, но дети Элимова всегда будут близки моему сердцу. Правда, что сестрица Алевтина...

- Сделай милость, перестань называть эту несносную женщину своею сестрою, а хитрую лицемерку-княгиню матерью. Меня это всякий раз как ножом в сердце ударит! - вскричал Хвалынский. - Пусть будут дети твоими питомцами - это так. Впрочем, и они не пропадут: старший, Григорий, крестник покойного князя Потемкина; младший, Платон...

- Полно, полно, Хвалынский, судить о детях! Никто не знает, что из них будет.

- Конечно, - сказал Хвалынский насмешливым тоном, - под опекою и руководством Ивана Егоровича фон Драка они сделаются великими людьми. Но твоего Сережу надобно куда-нибудь пристроить. Его там заколотят. Он мальчик острый, резвый, ум и способности его быстро развиваются.

- Да, благодаря доброй Наталье Васильевне! Почтенная девица! В таких молодых летах исполняет она свои обязанности с примерным усердием. Я и четверти часа не выдержал бы в этом Содоме.

- Вот умно, князь, что ты обратился к этому предмету! Эта Наташа, признаюсь в слабости, одна и привлекает в скучный дом княгинин. Я терпеливо слушаю бесконечные рассказы княгини о старине и длинные речи Алевтины Михайловны о добродетели и бескорыстии в ожидании счастливой минуты, когда это благородное, миловидное, прелестное существо войдет в комнату. Я никогда в жизни порядочно не влюблялся, но, смотря на черные глаза Наташи, следя за ее очаровательною улыбкою, частехонько хватаюсь за сердце, тут ли еще оно. И при этом какой ум, какое образование!

- Правда, - отвечал Алексей, - она премолая девица, каких я мало встречал в свете. Но мне кажется, что ум и красота даны ей природою за счет сердца. Она холодна, нечувствительна, горда. В первые дни пребывания ее в доме сестры мне казалось, что мы с нею подружимся: она разговаривала со мною свободно, непринужденно, доверчиво, но вдруг все переменялось. Я сделал глупость, подарил ей в именины пару бриллиантовых серег. Если б ты знал, какую беду я на себя накликнул! Во-первых, матушка и сестрица прогневались на меня и на нее: у них у самих не было таких серег. Во-вторых, сама Наташа переменяла обращение со мною: она не могла отказать от подарка, но приняла его как горькую обиду, заплакала и с тех пор перестала говорить со мною. Нестерпимая гордость! Ей стыдно было принять подарок от чужого человека, а я дарил ее за старание о воспитаннике моем, которого она своими попечениями избавила от смерти в кори. Женщина нечувствительная, гордая, по моему мнению, не загладит своих недостатков умом и красотою. Сердце, сердце! Вот источник наших добродетелей, вот причина страданий и наслаждений наших!

- Нет, князь! Ошибаешься! - промолвил Хвалынский с едва приметным вздохом. - Сердце есть и у Наташи, да, видно, не нам с тобою оно весть подает.

- А, в самом деле, жаль, - продолжал князь, - что она такая гордая! Никогда не встречал я женщины миловиднее. Иногда, при рассказе о чем-нибудь интересном, о каком-либо подвиге добра, о пожертвовании самим собою, о страданиях человечества, у ней появляется в глазах и на лице такое выражение, что поклялся бы в ее чувствительности, и даже излишней! И все это маска, жаль! Всякий человек есть ложь, говорят в свете.

- Да, когда он представляется добрым, - сказал Хвалынский, - зато фурии являются во всем своем блеске. Об Алевтине Михайловне не скажут, что она притворяется, когда вспылит на кого-нибудь.

- А я так скажу, что и у Алевтины есть хорошие стороны. Меня она наверное любит, правда, по-своему. И любовь ее нередко доходит до непростительного баловства. Мне, например, давали в ребячестве совершенную волю: денег было у меня довольно, слугам приказано было слушаться меня беспрекословно. Начальников и учителей моих дарили, ласкали, просили их не обходиться со мною слишком строго, не принуждать к ученью, боясь, чтоб это не повредило моему здоровью. И я сделался бы, может быть, величайшим негодяем, если б не...

- Князь умолк и задумался.

- И ты это называешь любовью, - вскричал Хвалынский. - Да это хуже всякой ненависти! Хорошо, что у тебя такая добрая натура, а не то - был бы я без друга. Но, видно, детством баловство и кончилось. Теперь нередко поглядывает она на тебя как гремучая змея.

- Перестань меня мучить, Александр! Мы не вольны выбирать себе родню. Провидение лучше нас знает, что каждому нужно и полезно. И заметь, что гораздо меньше бывает раздоров между братьями и сестрами, нежели между супругами. Это оттого, что братьев и сестер дает нам Бог, а жен выбираем мы сами. Что делать, если у сестры моей нрав не самый кроткий? Я знаю и вижу, что она властолюбива, вспыльчива, иногда показывает непомерную жадность и зависть, но кто без пороков? Она терпит мои слабости, и я должен снисходить к ней. К тому же, как не быть ей бережливой, как не стараться о приобретении? У ней именье небольшое и трое детей.

- Агнец непорочный! - шептал про себя Хвалынский. - Его стригут без жалости, а он радуется, что ему будет легче!

- Напрасно ты говоришь, - продолжал князь, - что она баловала меня только в детстве. И впоследствии не худо было бы, если б она не давала мне лишней воли. Чтение военных книг, рассказы покойного зятя, беседы с заслуженными корпусными офицерами - все это вселило в меня страсть к военной службе - действительной, против неприятеля. Я богат, хорошей фамилии, следственно, мог поступить офицером в гвардию, и все советовали мне это сделать, даже покойник Элимов. Только Алевтина и Прасковья Андреевна хвалили мое намерение и советовали пойти по армии. Я так и сделал. Потом, когда судьба заставила меня, армейского офицера, оставаться в Петербурге при черчении планов, между тем как гвардия пошла под шведа, обе они крайне совестились и жалели, что позволили мне поставить на своем. Что мне до их слабостей и недостатков? Они мне свои, они меня любят, а впрочем, судья им Бог!

- Но теперь у тебя еще *свой* человек, зять Иван Егорович фон Драк. Поздравляю!

- Это непостижимо! - сказал с досадою князь. - Гордая, властолюбивая Алевтина выходит за самого ничтожного человека. Впрочем, он человек строгой честности, аккуратен до педантизма, услужлив, вежлив, не спорщик; может стать, будет и хорошим мужем; только что он обещает в будущем для Алевтины и детей ее? Неужели она влюбилась в этого флигельмана?

- И я не могу понять, - сказал Хвалынский, - что она в нем нашла? Только о будущей судьбе его я не беспокоюсь: он протрется далеко - то бочком, то ничком, иногда и ползком. Такие люди сделаны для мест по службе, а места для них. Он будет исполнять беспрекословно и исправно все приказания командира, и самые глупые, не смея думать, что командир может ошибиться. Умничать не станет: для умничанья нужен какой-нибудь ум. Секретов не перескажет: у него лексикон начинается словом "да" и оканчивается словами: "точно так-с, слушаю-с". Увидишь, как он пойдет в гору при помощи своей супруги и тещи!

- Дай Бог ему хоть этого! - сказал князь со вздохом.

Продолжение следует...

С.-Петербург. Роман впервые издан в 1834 году.

Николай Греч.

ДУША И ТЕЛО

Вот стареет тело, холодеет,
Отступает к Лете не спеша,
Но зато так дивно хорошеет,
Расцветает странница-душа.

Ты устала следовать кривыми
Тропами земного бытия.
Тело-бремя, тело-только имя,
Только ноша трудная твоя.

Мудрая и нежная Психея,
Пленница в темнице душных вен,
Знаю я, ты хочешь поскорее
Сбросить тела надоевший плен.

И нездешней волею хранима, -
Ты, ведь это настоящий я,
Я, который слышал серафимов
На заре земного бытия.

Михаил ВОЛИН.

Пасха в Петербурге

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселую Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленной пахло доскою.

Из-за вымытых к празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

И. Северянин.

МАКИ

Точно кровью напоённые,
Красотой своей пьяня,
Расцветают маки сонные
Под окошком у меня.

Свет и сок земли живительный
Претворяют в сладкий яд.
Я вдыхаю их томительный,
Чуть заметный аромат.

Замирает грудь усталая
От неведомой мечты,
И, склонив головки алые,
Шепчут сонные цветы:

Мы из слёз твоих рождённые,
Неизвестно для кого,
Жаркой кровью напоённые
Песни сердца твоего.

Опьяним тебя мы ласками,
Ярким пламенем блеснём,
Жизнь твою наполним сказками,
И отравим, и умрём.

Мы в груди своей пылающей
Накопили сладкий яд...
Наших тайных снов вкушающий
В жизнь уж не придёт назад.

Так томительны, неясные
Непонятные мечты,
Тихо сыплют маки красные,
Маки сонные цветы.

ЕЛЕНА ГРОТ

СТЕНА

*Когда сомневаетесь,
говорите правду.*
Марк Твен.

Вино любви мы пили на троих.
Твой муж любил тебя, а ты - меня.
Познав тебя, я позабыл других,
Порвал все связи, прошлое кляня.

Ты замужем была, я опоздал:
Не разрушать же дружный ваш очаг.
Уверен, муж твой вряд ли бы отдал
Тебя без боя мне - он сам себе не враг!

Начать борьбу за счастье я не смог:
У вас же дети, я для них - беда.
Лишить детей отца? Помилуй, Бог!
И ты, и я решили: **никогда!**

И слёзы детские - фундамент той стены,
Что я воздвиг меж мною и тобой.
А наши чувства похоронены?
Не знаю, как твои, мои - со мной...

Сергей Калабухин. Россия.

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ТРЕТЬЯ

Часть восьмая

I

Теперь следует слово о настоящем Прохоре Васильевиче. Припомните, мы уже сказали, что он был в науке, очень удачно пошел по следам купеческих сынков, проникнутых насквозь западным ветром, носил фрак, пальто-сак и тому подобные вещи; начал было водиться со знатными людьми, по воксалам и по отелям, где реставрируется Вавилон; но на все это нужна была полная воля и полная доля; а по природе своей Прохор Васильевич, как Телемак, не мог обходиться без Ментора. Привычный ментор его, отцовский приказчик Трифон Исаев, опасаясь заблуждений юноши посреди чужих, навел его на родное: погулять на славу и посмотреть, как «живут среди полей и лесов дремучих».

Очень естественно, что тятенька Прохора Васильевича, нажив миллион неисповедимым трудом, был скуп, не любил, чтоб сын тратил деньги на пустышь, а на препровождение времени как следует, во всяком случае, и на свой лад и на чужую стать потребны были значительные суммы. Вследствие этого Триша объяснил Прохору Васильевичу, что слишком натягивать счеты в книгах тятенькиных - опасное дело: того и гляди, что лопнут; а что самое лучшее и скорое средство для приобретения капитала - английские машины; тем более что для Прохора Васильевича настало уже время пасть в ноги родителю и сказать:

«Тятенька, дозвольте слово молвить, не рубите неповинную голову! Вот уже третий раз вижу во сне, что вы, тятенька, пожалованы в советники коммерции, и изволите приказывать мне завести филатурную фабрику и ехать самому за море за английскими машинами. Дозвольте ехать, тятенька! Так уж, верно, Богу угодно: чью же мне исполнять волю, как не тятенькину!»

Василий Игнатьич усмехнулся от умиления; сон Прохорушки был ему по сердцу; потому что нельзя же не верить тому, что три раза во сне приснится, и вот он доверил сыну на первый раз с полсотни тысяч и благословил его в путь за машинами на волшебный остров.

Путь на волшебный остров лежал, по маршруту Триши, через Ростов, куда Прохор Васильевич в сопровождении своего ментора и прибыл в самый разгул ярмарки. Здесь началась его самобытная жизнь; молодецкая душа вдруг созрела, потребовала какой-нибудь питательной страсти и предложила на выбор три пути: по первому идти - в полон прийти, по второму идти - мертвую чашу испити; а по третьему идти - нищету обрести...

У первого пути стояли все красные девушки да молодухи, точно писанные: сами песни поют, добрых молодцов зовут: «Ах вы, милые мои, разлюбезные мои, не пригодно вашей братье мимо терема идти, не заглядывати, не захаживати!»

У второго пути все разгульной народ, все похмельной народ; кто прищелкивает, кто притопывает, никого не зазывают, никого не манят, а понравится, пожалуй, от товарища не прочь.

А у третьего пути словно княжеский почет: «Да пожалуйста, сударь, к нам в гостиные палаты, не приходится к разгульным да к похмельным вам идти!» Сами под руки ведут, стопу меду подают. «Уж у нас ли здесь раздолья ваша милость не найдет? Жены честные, разлюбезные, в золотой стопе подносят не кабацкое вино».

Прохор Васильевич несколько стыдлив был от природы и как-то совестился подойти к красным девушкам и молодухам. Триша зазывал его на второй путь; но купеческому сыну не под стать казалось сообщество приказчика; свой брат купчик как-то более был по сердцу; притом же ему с таким уважением свидетельствовала свое почтение ростовская купеческая знать, что он не в силах был отказать жаловать на чашку чаю. Здесь ментор его не мог присутствовать даже невидимо, и потому Прохор Васильевич был на полной свободе от его влияний.

Прохор Васильевич знал и в Москве, что такое горка, но не пытал еще счастья в картах. Для горки также необходимо было быть капиталистом, потому что это тот же bank, только времен варяжских.

Первая чашка чаю стоила Прохору Васильевичу десять тысяч рублей; он поморщился, но прием, ласки, почтение, угощение Ильи Ивановича и особенно прекрасной его сожительницы так были радушны, любезны, обязательны, что Прохор Васильевич забыл о проигрыше и думал

только о знатных людях и о том, чтоб скорее «пожаловать на чашку чаю, а лучше всего откушать хлеба соли», на другой же день.

- Вам, сударь, Прохор Васильевич, надо непременно поотыграться, - говорили ему, - нам, право, совестно, пренесчастный был день для вас.

Возвратясь домой, Прохор Васильевич ни слова Трифону ни о горке, ни о десяти тысячах; похваливает только доброту хозяина и хозяйки.

- И хозяйка добрая? То-то, смотрите, Прохор Васильевич, да нет ли еще, подобнее и их самих - дочки?

- Нет, никакой дочки нет.

- То-то, знаете, чтоб к хвосту не пришили. Да что ж вы там так долго делали?

- Всё разговаривали.

- Ой ли? Экие словоохотливые! Так только одна хозяйка? Чай, там в карточки играют?

- Э, нет! Так закормили меня, что по сию пору голова болит, и обедать не пойду. Ступай один, гуляй на мой счет.

- Да на свои деньги?

- Вот тебе сторублевая.

- Сторублевая? Ладно. Да, забыл было: Феня просила меня, чтоб подарили ей шелковой материи на платье.

- Возьми на мой счет в лавке у Ивана Савича.

- Нет, в долг не беру: еще припишут, а тут я же отвечаю перед вами.

- Так вот еще сторублевая.

Отделавшись от Триши, Прохор Васильевич долго думал: обедать ли идти к Илье Ивановичу, или на чашку чаю? Идти обедать казалось ему как-то совестно: в гостях, за обедом, надо сидеть по-иноземному церемонно, а по-русски чинно, а как посадят подле хозяйки, так уж просто неописанное несчастье.

Около полудня однако ж явился от Ильи Ивановича посланец, чтоб пожаловать непременно откушать. Нечего было делать, Прохор Васильевич отправился.

Илья Иванович и сожительница его, Лукерья Яковлевна, так приняли гостя, что застенчивость его осталась за порогом. Он чувствовал такую легкость, свободу и удобство, что казалось, будто хозяин и хозяйка сами за него сидели за столом, кушали и говорили: ему оставалось только глотать и сладкие речи и сладкие куски, подготовленные гостеприимными челюстями.

- Почтеннейший Прохор Васильевич, - сказал, между прочим, хозяин, - вчера еще пришло мне в голову: что ж это, вы, сударь, нанимаете квартиру? Переехали бы к нам, у нас есть знатные упокой для вас, все угоды. Кушать-то также не приводится по трактирам такому благовоспитанному человеку; уж вы позвольте перевезти вашу поклажу.

- Ей-богу, не могу! - сказал Прохор Васильевич. - Добро бы я один был; со мной тятенька приказчика отпустил.

- Приказчика? Так! Стало быть, это не просто прислужник? Странное дело... нет веры к такому отличному сынку!

- Он только провожает меня, Илья Иванович, - сказал Прохор Васильевич в оправдание своего достоинства.

- Провожает? Было то же и со мной раз: тоже, на ярмарку, как будто по охоте поехал со мной отцовский приказчик; ан вышло дело-то, что для присмотру. Мошенник сам же надувал, а потом, чтоб подделаться к отцу, взвел такие на меня небылицы в лицах, что стыдно сказать!

Этих слов достаточно было, чтоб внушить в Прохора Васильевича подозрение к тятенькиному приказчику Трише, тем более что он свалил уже не раз растроченные конторские деньги на него.

- Ей-ей так, Прохор Васильевич; а у нас вы бы как родной пожили, куда справите здесь свои дела, - сказал хозяин, выходя в другую комнату и мигнув одному из своих приятелей.

- Слушай, брат Степа: надо бы угостить его приказчика, подвести какое-нибудь дельцо, да препроводить на место жительства, а медлить-то нечего.

- К чему ж медлить, Илья Иванович.

- Так ступай-ко, пообработай тихонько.

- Уж знаем!

Степа отправился по поручению, а Прохора Васильевича засадили снова попытать счастья.

Сначала счастье как будто бы и не везло ему; но вдруг, ни с того ни с сего, так двинуло с места, что у Прохора Васильевича сердце дрогнуло от радости. И выиграл он полторы тысячи рублей, точно клад нашел, так глаза и блестят, расхотелся, давай еще играть, да и только.

- Нет, уж разве до завтра, - сказал Илья Иванович, - что-то голова очень болит.

В природе ужасная аналогия или, лучше сказать, по-своему, подобие между всем, что движется, действует и имеет влияние на действия посредством побуждения души к себе соблазном, приманкой, магнетизмом, а от себя электричеством, толчком, подзатыльником.

Русская пословица недаром говорит: «Несчастлив в картах, счастлив в любви», и обратно. Это значит, что играть в карты и играть в любовь - одно и то же, потому что одно заменяет другое. Волнение, страдания, довольствие, утомление сердца - одни и те же, ни малейшей разницы. Вечно блуждающее воображение посреди надежд, соображений и выводов - одно и то же; словом, игра - ласкательница чувств, кокетка или, перефразируя это чужое слово, курочка, которая петушится. Ей дело до всех, кто только протянет ноги под ее жертвенный стол. Перетасовав свои чувства, как колоду, она, кажется, раздает всем поровну, нечего друг другу завидовать; но вскрой только - какая разница! Какая начинается деятельность, какое соревнование между играющими: один хочет взять умом, знанием своего дела, другой хитростью, терпением, замыслом подсесть соперников; третий риском - пан или пропал. Но вы думаете, что счастье дается так, зря? Ошибаетесь: и у каждой колоды есть свой избранник, мастак, который посвятил себя игре, за которого соперничают все колоды, который надувает их самих, управляя по произволу тасовой и богатея чужими чувствами.

Это все не касается до Прохора Васильевича, он существовал на сем свете не как человек - орудие Божие, а как человек - орудие человеческое. Собственно, об нем не стоило бы мыслить, но во всяком случае он мог навести на мысль.

Прибежав домой с радостным чувством выигрыша, он долго ждал своего Триши; но не дождался и лег спать.

Перед рассветом уже кто-то толкнул его и крикнул на ухо:

- Прохор Васильевич!

Это был Триша, что-то очень не в себе.

- Ох, как ты, Триша, перепугал меня!

- Тс! тише! Беда, Прохор Васильевич! Давайте пять тысяч, а не то меня скрутят, да и вам за меня достанется, если узнают, кто я такой!

- Да что такое? Скажи!

- Не спрашивайте, пожалуйста, давайте скорей деньги!

- Да что такое?

- Ах ты, Господи! Ну, да черт знает что: приятели попотчевали, а какое-то рыло стало приставать, я и своротил его на сторону, да неосторожно. Как следует, связали руки назад, а я пошел на выкуп, с тем чтоб и духу моего не было здесь до рассвета... Вот и всё. Давайте деньги да прощайте. Ворочусь к тятеньке да скажу, что проводил вас до границы.

- Ох, Триша, да как же это я останусь один?

- Правда и то; что вам одному делать? Знаете ли что? Денька два спустя, ступайте-ко и вы назад в Москву; а там уж мы подумаем, как быть.

Кто-то стукнул в дверь.

- Сейчас, брат, сейчас! - подал голос Трифон.

- Кто там такой? - спросил испуганный Прохор Васильевич.

- Кто! разумеется, кто: меня торопят; давайте скорее!

Прохор Васильевич достал пачку ассигнаций, хотел считать, но стук в дверь повторился.

- Эх, до счету ли теперь! Давайте что есть, после сосчитаемся! - сказал Трифон и, схватив пачку из рук Прохора Васильевича, бросился в двери.

Прохор Васильевич остался как на мели. В страхе и раздумье, он не знал, что делать. Отвага, которую возбудил в нем ментор его, ехать за границу, вдруг исчезла.

- Как я поеду один-одинехонек? - начал допрашивать он сам себя, - куда я поеду? В чужую землю... один, без Триши! Дорогой еще ограбят... О Господи! Да как же мне воротиться теперь к тятеньке? Он убьет меня!

До рассвета Прохор Васильевич дрожал от ужаса, повторяя одни и те же вопросы. В этом отчаянном раздумье застал его и Илья Иванович.

- Ах, почтеннейший, а я полагал, что вы еще почивать изволите? Что ж, сударь, переезжайте ко мне. Право, вам не приходится в заездном доме стоять. Пожалуйте хоть с приказчиком; мы и ему место найдем.

- Приказчик тятенькин уехал в Москву.

- Что так?

- Да так; тятенька велел скорее ехать, да и мне также.

- А за границу-то, Прохор Васильевич?

- Из Москвы поеду.

- Вот что... Так не угодно ли, пожалуйста покуда чайку выкушать.

Прохор Васильевич долго отнекивался, но Илья Иванович утащил его к себе и вместе со своей сожительницей возбудил в нем падший дух. Никак не мог он отговориться и от предложения погостить хоть недельку; особенно когда Лукерья Яковлевна сказала ему тихонько:

- Уж если вы уедете, так я буду знать, что вы меня не любите!

- Уж если вам угодно... - проговорил Прохор Васильевич.

- Таки очень угодно: как я вас увидела в первый раз... Ох, Господи!

Лукерья Яковлевна глубоко вздохнула; Прохор Васильевич смутился, взглянул на нее, она на него, и - невозможно уже было не остаться.

Ему отвели уютный покой. Вечеру собралась та же честная компания, горка росла. Прохору Васильевичу снова повезло счастье; подымает все выше и выше. Но вдруг оборвался...

- Ну, невзгодье! - повторял, вздыхая, Илья Иванович, - да не будет ли?

- Нет! - повторял разгорячась Прохор Васильевич, - мне что! Сдавайте!

Напрасно Лукерья Яковлевна щипала его сзади, стоя за стулом.

- Нет, батенька, надо сосчитать, было бы чем расплатиться, - сказал, наконец, Илья Иванович, - не на мелок играть!

- Отвечаю! - крикнул Прохор Васильевич, обливаясь холодным потом.

- Не разорять же вас при несчастье; надо честь знать: тут и то сто с лишком; разве вексель?

- Что ж, вексель дадим!

- Так напишем сперва...

- Ну, до завтра, - шепнула Лукерья Яковлевна Илье Ивановичу, - дайте ему опомниться!

- Так! А тебе жалко, что ли?

- Ты смотри на него: весь не свой; как заболит да умрет, тогда что?

- Эх, ты, баба! Ну, да вправду... Нет, господа, на векселя сегодня не играю: им не везет. Лучше завтра сядем опять, пусть их отыграются; совестно, ей-ей!

Бледный, истомленный каким-то внутренним давлением - точно камень на сердце, пошел Прохор Васильевич в свой покой. Уснуть он не мог. Какая-то особенная жажда мучила его: всех бы перебудил, всех бы созвал к игорному столу, чтоб утолить ее.

Вдруг что-то скрипнуло. Послышался шорох. Прохор Васильевич весь оледенел от ужаса; кто-то приближается к его постели.

- Кто тут? - крикнул он, вскочив.

- Тс! Душенька, Прохор Васильевич, не бойтесь! Это я!

- Вы? - произнес Прохор Васильевич с чувством новой боязни.

- Я, душенька. Мне надо сказать вам слово... Я не могла перенести, чтоб мошенник Илюшка, с шайкой своей, зарезал вас...

- Зарезал! - проговорил Прохор Васильевич.

- Да, душенька; они условились вас обыграть до нитки. Мне стало жаль вас. Давеча так и обливало сердце кровью. Хоть сама погибну, думаю, а вас спасу от гибели! Сама бегу с вами от этих душегубцев! Вы их не знаете еще... Душенька! медлить нечего, собирайтесь скорей да ступайте за мною.

Перепуганный, ни слова не отвечая, Прохор Васильевич торопился. Лукерья Яковлевна вывела его в сени, двором в сад и потом - через калитку - в темный переулочек.

Там стояла наготове тройка запряженных лошадей в телегу.

- Гриша, тут ли ты?

- Тут, матушка, садитесь.

- Садитесь, душенька, - шепнула Лукерья Яковлевна.

Прохор Васильевич взобрался на телегу, благодетельный его гений с ним рядом, - и тройка сперва шагком по переулочку, потом рысцей вдоль по улице, наконец понеслась во весь опор по столбовой дороге.

- Куда ж мы едем? - спросил Прохор Васильевич, как будто очнувшись от сна.

- Покуда в Переяславль-Залесский; там у меня есть родной братец; а оттуда куда изволишь, хоть в Москву. Я тебя не покинула в беде, и ты не покидай меня, душенька.

- А муж-то ваш, Лукерья Яковлевна?

- Какой муж? Илья-то Иванович? Чтоб я за такого мошенника замуж шла? Избави меня Господи!

- Да как же, ведь он муж вам?

- Кто? Он? Какой он мне муж! Он просто-напросто увез меня против воли от батюшки и матушки, да и держал за жену. Какой он мне муж! Я сроду его не любила!

Прохор Васильевич молча выслушал целую историю похищения Лукерьи Яковлевны.

На другой день поутру тройка остановилась у ворот одного мещанского дома в Переяславле.

- Милости просим, Прохор Васильевич, - сказала Лукерья Яковлевна, слезая с телеги. - Как братец-то мне обрадуется! Вот уж три года не видалась с ним! Пойдемте, душенька.

Она взяла его за руку и повела в дом. Вбежав в горницу, Лукерья Яковлевна бросилась обнимать бабушку. Старуха с трудом признала ее.

- Господи! Ты ли это, Лукерьюшка? Какой была красной девицей, а теперь раздобрела как!

- А где ж братец?

- В рядах, чай; да что ж это молодец-то, муж твой? Кому ж иначе и быть, - милости просим; не знаю, как величать?

- Прохор Васильевич; да это, бабушка... - начала было Лукерья Яковлевна, но старуха перебила ее.

- Прохор Васильевич? К чему ж это ты, батюшко Прохор Васильевич, молодец такой, увез внучку-то мою, не спросясь благословения у отца и матери? Э! Грех какой, господин!

Лукерья Яковлевна хотела было сказать бабушке, что она ошибается; но дверь отворилась, и рыжий мужчина, огромного роста, вошел в горницу, снял шапку и перекрестился.

- Батюшко, братец, Петр Яковлевич! - вскричала Лукерья Яковлевна, бросаясь к вошедшему.

- Сестра, Лукерья! - проговорил он грубо, смотря то на нее, то на незнакомого молодца, - откуда пожаловала? За наследием, что ли? Это, чай, муж твой?

- Нет, батюшко, братец, это не муж, - отвечала, потупив глаза, испуганная грозным голосом брата Лукерья Яковлевна.

- Не муж! Так вы так еще себе живете? Нет, брат, погоди! Я родной сестры страмить не позволю! Ты, брат, что? Кто таков? А?

И с этими словам» распаленный гневом брат Лукерья Яковлевны бросился к Прохору Васильевичу, который затрепетал и онемел от страха.

- Братец родимый! Прохор Васильевич не виноват, как свят Бог, не виноват!

- Не виноват! Постой, я допрошу его.

- Братец! - вскричала снова Лукерья Яковлевна, загородив собою Прохора Васильевича, - ты послушай меня...

- Слышу! - крикнул Петр Яковлев, оттолкнув ее и схватив за ворот Прохора Васильевича, - говори, кто ты такой?

Прохор Васильевич совсем оторопел, и ни слова.

- Это сын почетного гражданина Захолустьева... братец, он не виноват ни душой, ни телом.

- Захолустьева? Почетного гражданина? А мне что, пьфу! Ты ответишь мне за сестру! Убью как собаку! Пойдем в полицию!..

- Господи, он убьет его понапрасну! - вскричала Лукерья Яковлевна, упав на колени перед братом, - батюшко, братец, отпусти душу на покаяние! Ведь это не он меня увез, а мошенник Илюшка Лыков, а с ним я ушла от душегубца... Его хотели обобрать, загубить хотели!

- Э, да мне все равно, с кем ты, шатаешься! Где мне искать всех, через чьи руки ты прошла; кто попал, тот и наш! Сказок ваших я слушать не буду: ступай!

- Ох, помилосердуй! Чего хочешь ты от него! Выслушай ты меня, выслушай ради самого Господа Бога! - повторяла Лукерья Яковлевна, бросаясь снова между братом и оцепеневшим Прохором Васильевичем.

- А, трусили! Полиция-то, верно, не свой брат? Да уж не быть ему живому на глазах моих, покуда отец-священник не простит вас да не благословит на брак! Пойдем к нашему батюшке! а не то убью!

- Прохор Васильевич, пойдем, душенька! Сжался хоть ты надо мной! Ведь он тебя убьет, а я умру!

- Пойдем! - повторил Петр Яковлев.

Он потащил Прохора Васильевича за руку. Лукерья Яковлевна взяла его за другую руку и, закрыв лицо платком, обливалась слезами.

Прохор Васильевич, как пойманный преступник, шел бледный как смерть и молчал.

- Вот, батюшка, сестра моя, - сказал Петр Яковлев, войдя в комнату священника, - а это ее прихвостень! Если вы простите их да благословите на брак, так и я прощаю; а не то я по-своему с ними разделаюсь...

Петр Яковлев был известный по честности прихожанин, прямой человек, но беспощадная душа. Так или не так, но что сказал, что решил, то у него было свято. Чужой правоты он знать не хотел. Священник давно знал семью и, соболезнуя Лукерье Яковлевне, стал увещевать Прохора Васильевича.

- Батюшка! - вызвалась было Лукерья Яковлевна, - он ни душой, ни телом не виноват...

- Молчать! - крикнул брат ее.

- Я и не знал ее... - начал было и Прохор Васильевич.

- Молчать, когда отец-священник говорит! - крикнул Петр Яковлев, - а не то, брат, не отделаешься!

- Оставь его, - сказал священник, благочестивый и добрый старец, - оставь, не грози; он и по доброй воле согласится исправить грех браком. Ты согласен? Говори.

Прохор Васильевич стоял как вкопанный; и боялся говорить и не знал, что говорить.

- Говори, душечка Прохор Васильевич, говори скорей, не погуби себя и меня! После венца дело объяснится лучше: увидят - кто прав, кто виноват. Батюшка, уж я знаю, что он согласен, и спрашивать нечего.

- Ну, так и быть; благословите их, батюшка, так уж я и ни слова, - сказал Петр Яковлев.

- Он добрый малый и раскаивается, я это вижу, - сказал священник, напутствуя благословением примиренных. - Готовьтесь к свадьбе!

- Свадьбу не отлагать стать! - сказал Петр Яковлев. - Ну, теперь обними меня, сестра. И ты обними...

- О чем же ты опечалился, душенька Прохор Васильевич, голубчик мой! - твердила Лукерья Яковлевна, возвратясь в дом, - нешто я тебе не по сердцу?

- Нет, не то, Лукерья Яковлевна, - отвечал Прохор Васильевич, повеся голову, - я боюсь тятеньки, как он узнает...

- Что ж, что узнает? Узнает, так узнает! Мы вместе упадем к нему в ноги, так небойсь простит.

- Простит! Хорошо как простит. - Да вот что...

- Что еще такое?

- Вот что: оно бы ничего, да как-то не приходится; уж он мне там сватал невесту...

- Велика беда! Да плевать на нее...

«В самом деле, - подумал Прохор Васильевич, - что мне в ней? Я без Лукерьи Яковлевны жить не могу!»

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

“...Вспомнил... и такая знаете ли, печаль меня взяла – не вышептать!”

Блондинка на иномарке в автосервисе. Механик спрашивает:

- И что у вас, красавица?

- Да дёргается она... и глохнет... Семь автосервисов объездила - и везде отказывают почему-то! Что за беда-то???

- Не бойсь, красивая - шас всё починим вмиг!

Механик открывает капот - а под ним записка:

***“Она, дура, ездить не умеет.
Я платить не буду. Муж”.***

*Попасть на вожденный трон
Поможет мне один патрон.
Вот план, надежный и простой:
Патрон мне нужен. Холостой!*

*- Вы такая красивая, умная, с чувством юмора, и глаза, и фигура - все прекрасно!
- Спасибо, я тронута.
- Это мы тоже заметили.*

КАЧЕЛИ

То вправо, то влево скрипели качели.
Мы с братом вдвоём на скамейке сидели.
Сидели, смотрели в воскресную высь,
Где девочки, мальчики, папы и мамы,
И прочие люди за счастьем неслись.

Сайт “Свете тихий”,

А мы не неслись, мы сидели, молчали,
Смотрели и просто ногами качали.
И лето манило ванильной сладью,
И было нам счастье...

И было нам счастье!

Алексей Гушан.

Спасибо, доктор, что вы вылечили меня от мании величия. Теперь я человек совершенно непревзойденной, фантастической, можно сказать, феноменальной скромности.

Дремучий медведь

Молодёжный раздел

Сын бабки Анисьи, по прозвищу Петя-большой, погиб на войне, и остался с бабушкой жить ее внучек, сын Пети-большого - Петя-маленький. Мать Пети-маленького, Даша, умерла, когда ему было два года, и Петя-маленький ее совсем позабыл, какая она была.

- Все тормозила тебя, веселила, - говорила бабушка Анисья, - да, видишь ты, застудилась осенью и померла. А ты весь в нее. Только она была говорливая, а ты у меня дичок. Все хоронишься по углам да думаешь. А думать тебе рано. Успеешь за жизнь надуматься. Жизнь долгая, в ней вон сколько дней! Не сочтешь...

Когда Петя-маленький подрос, бабушка Анисья определила его пасти колхозных телят.

Телята были как на подбор, лопоухие и ласковые. Только один, по имени Мужичок, бил Петю шерстистым лбом в бок и брыкался. Петя гонял телят пастись на Высокую реку. Старый пастух Семен-чаевник подарил Пете рожок, и Петя трубил в него над рекой, скликал телят.

А река была такая, что лучше, должно быть, не найдешь. Берега крутые, все в колосистых травах, в деревьях. И каких только деревьев не было на Высокой реке! В иных местах даже в полдень было пасмурно от старых ив. Они окунали в воду могучие свои ветви, и ивовый лист - узкий, серебряный, вроде рыбки уклеи дрожал в бегучей воде. А выйдешь из-под черных ив - и ударит с полян таким светом, что зажмуришь глаза. Рожицы молодых осин толпятся на берегу, и все осиновые листья дружно блестят на солнце.

Ежевика на крутоярах так крепко хватала Петю за ноги, что он долго возился и сопел от натуги, прежде чем мог отцепить колючие плети. Но никогда он, осердясь, не хлестал ежевику палкой и не топтал ногами, как все остальные мальчишки.

На Высокой реке жили бобры. Бабушка Анисья и Семен-чаевник строго наказали Пете не подходить к бобровым норам. Потому что бобер зверь строгий, самостоятельный, мальчишек деревенских вовсе не боится и может так хватить за ногу, что на всю жизнь останешься хромым. Но Пете была большая охота поглядеть на бобров, и потому он ближе к вечеру, когда бобры вылезали из нор, старался сидеть тихонько, чтобы не напугать сторожкого зверя. Однажды Петя видел, как бобер вылез из воды, сел на берегу и начал тереть себе лапами грудь, драть ее изо всех сил, сушить. Петя засмеялся, а бобер оглянулся на него, зашипел и нырнул в воду.

А другой раз вдруг с грохотом и плеском обрушилась в реку старая ольха. Тотчас под водой молниями полетели испуганные плотицы. Петя подбежал к ольхе и увидел, что она прогрызена бобровыми зубами до сердцевины, а в воде на ветках ольхи сидят эти самые бобры и жуют ольховую кору. Тогда Семен-чаевник рассказал Пете, что бобер сперва подтачивает дерево, потом нажимает на него плечом, валит и питается этим деревом месяц или два, глядя по тому, толстое оно или не такое уж и толстое, как хотелось бобру.

В густоте листьев над Высокой рекой всегда было беспокойно. Там хлопотали разные птицы, а дятел, похожий на сельского почтаря Ивана Афанасьевича, - такой же остроносый и с шустрым черным глазом, - колотил и колотил со всего размаху клювом по сухому осокору. Ударит, отдернет голову, поглядит, примерится, зажмурит глаза и опять так ударит, что осокорь от макушки до корней загудит. Петя все удивлялся: до чего крепкая голова у дятла! Весь день стучит по дереву - не теряет веселости. "Может, голова у него и не болит, - думал Петя, - но звон в ней стоит наверняка здоровый. Шутка ли - бить и бить целый день! Как только черепушка выдерживает!"

Пониже птиц, над всякими цветами - и зонтичными, и крестоцветными, и самыми невидными, как, скажем, подорожник - летали ворсистые шмели, пчелы и стрекозы. Шмели не обращали на Петю внимания, а стрекозы останавливались в воздухе и, постреливая крылышками, рассматривали его выпуклыми глазищами, будто подумывали: ударить ли его в лоб со всего налета, пугнуть с берега или не стоит с таким маленьким связываться?

И в воде тоже было хорошо. Смотришь на нее с берега - и так и подмывает нырнуть и поглядеть: что там, в глубокой глубине, где качаются водоросли? И все чудится, что ползет по дну рак величиной с бабушкино корыто, растопырил клешни, а рыбы пятятся от него, помахивают хвостами.

Постепенно и звери и птицы привыкли к Пете и, бывало, прислушивались по утрам: когда же запоет за кустами его рожок? Сначала они привыкли к Пете, а потом полюбили его за то, что не озоровал: не сбивал палками гнезд, не связывал стрекоз за лапки ниткой, не швырял в бобров камнями и не травил рыбу едучей извесью.

Деревья тихонько шумели навстречу Пете - помнили, что ни разу он не сгибал, как другие мальчишки, тоненьких осинок до самой земли, чтобы полюбоваться, как они, выпрямившись, долго дрожат от боли и шелестят-жалуются листьями. Стоило Пете раздвинуть ветки и выйти на берег, как сразу начинали щелкать птицы, шмели взлетали и покрикивали: "С дороги! С дороги!", рыбы выскакивали из воды, чтобы похвастаться перед Петей пестрой чешуей, дятел так ударял по осокору, что бобры поджимали хвосты и семенили в норы. Выше всех птиц взлетал жаворонок и пускал такую трель, что синий колокольчик только качал головой.

- Вот и я! - говорил Петя, стаскивал старую шапчонку и вытирал ею мокрые от росы щеки.
- Здравствуйте!

- Дра! Дра! - отвечала за всех ворона. Никак она не могла выучить до конца такое простое человеческое слово, как "здравствуйте". На это не хватало у нее вороньей памяти.

Все звери и птицы знали, что живет за рекой, в большом лесу, старый медведь и прозвище у того медведя Дремучий. Его шкура и вправду была похожа на дремучий лес: вся в желтых сосновых иглах, в давленной бруснике и смоле. И хоть старый это был медведь и кое-где даже седой, но глаза у него горели, как светляки, - зеленые, будто у молодого.

Звери часто видели, как медведь осторожно пробирался к реке, высовывал из травы морду и принимался к телятам, что паслись на другом берегу. Один раз он даже попробовал лапой воду и заворчал. Вода была холодная - со дна реки били ледяные ключи, - и медведь раздумал переплыть реку. Не хотелось ему мочить шкуру.

Когда приходил медведь, птицы начинали отчаянно хлопать крыльями, деревья - шуметь, рыбы - бить хвостами по воде, шмели - грозно гудеть, даже лягушки подымали такой крик, что медведь зажимал уши лапами и мотал головой.

А Петя удивлялся и смотрел на небо: не обкладывает ли его тучами, не к дождю ли раскричались звери? Но солнце спокойно плыло по небу. И только два облачка стояли в вышине, столкнувшись друг с другом на просторной небесной дороге.

С каждым днем медведь сердился все сильнее. Он голодовал, брюхо у него совсем отвисло - одна кожа и шерсть. Лето выпало жаркое, без дождей. Малина в лесу посохла. Муравейник разроешь - так и там одна только пыль.

- Беда-а-а! - рычал медведь и выворачивал от злости молодые сосенки и березки. - Пойду задеру телка. А пастушок заступится, я его придушу лапой - и весь разговор!

От телят вкусно пахло парным молоком, и были они совсем рядом - только и дела, что переплыть каких-нибудь сто шагов. "Неужто не переплыву? - сомневался медведь. - Да нет, пожалуй, переплыву. Мой дед, говорят, Волгу переплывал, и то не боялся". Думал медведь, думал, нюхал воду, скреб в затылке и, наконец, решился - прыгнул в воду, ахнул и поплыл.

Петя в то время лежал под кустом, а телята - глупые они еще были - подняли головы, наставили уши и смотрят: что это за старый пень плывет по реке? А у медведя одна морда торчит над водой. И такая корявая эта морда, что с непривычки не то что телок, а даже человек может принять ее за трухлявый пень.

Первой после телят заметила медведя ворона.

- Карраул! - крикнула она так отчаянно, что сразу охрипла. - Звери, воррр!

Всполошились все звери. Петя вскочил, руки у него затряслись, и уронил он свой рожок в траву: посредине реки плыл, загребая когтистыми лапами, старый медведь, отплеиваясь и рычал. А телята подошли уже к самому крутояру, вытянули шеи и смотрят.

Закричал Петя, заплакал, схватил длинный свой кнут, размахнулся. Кнут щелкнул, будто взорвался ружейный патрон. Да не достал кнут до медведя ударил по воде. Медведь скосил на Петю глаз и зарычал:

- погоди, сейчас вылезу на бережок - все кости твои пересчитаю. Что выдумал - старика кнутом бить!

Подплыл медведь к берегу, полез на крутояр к телятам, облизывается. Петя оглянулся, крикнул: "Подсобите!" - и видит: задрожали все осины и ивы и все птицы поднялись к небу. "Неужто все испугались и никто мне теперь не поможет?" - подумал Петя. А людей, как назло, никого рядом нету.

Но не успел он это подумать как ежевика вцепилась колючими своими плетями в медвежьи лапы, и сколько медведь ни рвался, она его не пускала. Держит, а сама говорит: "Не-ет, брат, шутишь!" Старая ива наклонила самую могучую ветку и начала изо всех сил хлестать ею медведя по худым бокам.

- Это что ж такое? - зарычал медведь. - Бунт? Я с тебя все листья сдеру, негодница!

А ива все хлещет его и хлещет. В это время дятел слетел с дерева, сел на медвежью голову, потоптался, примерился - и как долбанет медведя по темени! У медведя позеленело в глазах и жар прошел от носа до самого кончика хвоста. Взвыл медведь, испугался насмерть, воет и собственному воя не слышит, слышит один хрип. Что такое? Никак медведь не догадается, что это шмели залезли ему в ноздри, в каждую по три шмеля, и сидят там, щекочут. Чихнул медведь,

шмели вылетели, но тут же налетели пчелы и начали язвить медведя в нос. А всякие птицы тучей вьются кругом и выщипывают у него шкуру волосок за волоском. Медведь начал кататься по земле, отбиваться лапами, закричал истошным голосом и полез обратно в реку. Ползет, пятится задом, а у берега уже ходит стопудовый окунь, поглядывает на медведя, дожидается...

Как только медвежий хвост окунулся в воду, окунь хватъ, зацепил его своими ста двадцатью зубами, напряжился и потащил медведя в омут.

- Братцы! - заорал медведь, пуская пузыри. - Смилуйтесь! Отпустите! Слово даю... до смерти сюда не приду! И пастуха не обижу!

- Вот хлебнешь бочку воды, тогда не придешь! - прохрипел окунь, не разжимая зубов. - Уж я ли тебе поверю, Михайлыч, старый обманщик!

Только хотел медведь пообещать окуню кувшин липового меда, как самый драчливый ерш на Высокой реке, по имени Шипояд, разогнался, налетел на медведя и засадил ему в бок свой ядовитый и острый шип. Рванулся медведь, хвост оторвался, остался у окуня в зубах. А медведь нырнул, выплыл и пошел махать саженками к своему берегу. "Фу, думает, дешево я отделался! Только хвост потерял. Хвост старый, облезлый, мне от него никакого толку".

Доплыл до половины реки, радуется, а бобры только этого и ждут. Как только началась заваруха с медведем, они кинулись к высокой ольхе и тут же начали ее грызть. И так за минуту подгрызли, что держалась эта ольха на одном тонком шпеньке.

Подгрызли ольху, стали на задние лапы и ждут. Медведь плывет, а бобры смотрят - рассчитывают, когда он подплывет под самый под удар этой высоченной ольхи. У бобров расчет всегда верный, потому что они единственные звери, что умеют строить разные хитрые вещи - плотины, подводные ходы и шалаши.

Как только подплыл медведь к назначенному месту, старый бобер крикнул:

- А ну, нажимай!

Бобры дружно нажали на ольху, шпенек треснул, и ольха загрохотала, обрушилась в реку. Пошла пена, буруны, захлестали волны и водовороты. И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину, а ветками прижала его к иловатому дну.

"Ну, теперь крышка!" - подумал медведь. Он рванулся под водой изо всех сил, ободрал бочка, замутил всю реку, но все-таки как-то вывернулся и выплыл.

Вылез на свой берег и - где там отряхиваться, некогда! - пустился бежать по песку к своему лесу. А позади крик, улюлюканье. Бобры свищут в два пальца. А ворона так задохнулась от хохота, что один только раз и прокричала: "Дуррак!", а больше уже и кричать не могла. Осинки мелко тряслись от смеха, а ерш Шипояд разогнался, выскочил из воды и лихо плюнул вслед медведю, да недоплюнул - где там доплюнуть при таком отчаянном беге!

Добежал медведь до леса, едва дышит. А тут, как на грех, девушки из Окулова пришли по грибы. Ходили они в лес всегда с пустыми бидонами от молока и палками, чтобы на случай встречи со зверем пугнуть его шумом.

Выскочил медведь на поляну, девушки увидели его - все враз завизжали и так грохнули палками по бидонам, что медведь упал, ткнулся мордой в сухую траву и затих. Девушки, понято, убежали, только пестрые их юбки метнулись в кустах.

А медведь стонал-стонал, потом съел какой-то гриб, что подвернулся на зуб, отдышался, вытер лапами пот и пополз на брюхе в свое логово. Залег с горя спать на осень и зиму. И зарекся на всю жизнь не выходить больше из дремучего леса. И уснул, хотя и побаливало у него то место, где был оторванный хвост.

Петя посмотрел вслед медведю, посмеялся, потом взглянул на телят. Они мирно жевали траву и то один, то другой чесали копытцем задней ноги у себя за ухом.

Тогда Петя стащил шапку и низко поклонился деревьям, шмелям, реке, рыбам, птицам и бобрам.

- Спасибо вам! - сказал Петя.

Но никто ему не ответил.

Тихо было на реке. Сонно висела листва ив, не трепетали осины, даже не было слышно птичьего щебета.

Петя никому не рассказал, что случилось на Высокой реке, только бабке Анисье: боялся, что не поверят. А бабка Анисья отложила недовязанную варежку, сдвинула очки в железной оправе на лоб, посмотрела на Петю и сказала:

- Вот уж и вправду говорят люди: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Звери за тебя не зря заступились, Петруша! Так, говоришь, окунь ему хвост начисто оторвал? Вот грех-то какой! Вот грех!

Бабка Анисья сморщилась, засмеялась и уронила варежку вместе с деревянным вязальным крючком.

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ.

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

Лето. Ухоженный городской сквер. По центральной дорожке прогуливаются молодая дородная мама и крепенькая дочка лет пяти. Девочка идет и канючит:

- Ма-ам... Хочу бублик... Бублик дай! Ну ма-ам...
- Потерпишь, нечего аппетит перед ужином перебивать! - не соглашается та.
- Ма-ам... Бублик... Хочу, хочу, хочу! - усиливается нажим.
- Ладно-ладно, капризуля. Только не на ходу, - сдается наконец мама.

И они усаживаются на садовую скамейку. Ранее ее облюбовал пожилой представительный мужчина, он читает книгу.

Мама достает из сумки толстую баранку с маковой посыпкой, вручает дочке. А мужчина, хитро улыбнувшись, обращается к малышке:

- Девочка, я с утра ничего не ел. Поделись со мной, я тебе большущее спасибо скажу!
- Та искося взглядывает на просителя, прижимает бублик к груди и выпаливает:
- Нет!

Мама фыркает - то ли на шутку, то ли на реакцию дочери, но не вмешивается. Мужчина тем временем не отстает:

- Ну отдай мне тогда хотя бы дырку от бублика...

Девочка надувает губки и хмурит брови. Внимательно вглядывается в лакомство, прикрыв его локтем. На лице ее читается напряженная работа мысли. И вдруг малышка отчаянно вгрызается в бублик. Откусывает от него сколько может, усиленно жует. Откусывает второй раз, третий... И наконец победно сует мужчине под нос остаток выпечки в форме подковы:

- А нет уже дырки!

ОШЕВНЕВ Ф. М.

ЗАЙЧИШКА

Под кустом боярышника спал,
Знать не зная, что такое – враг.
Но пришли мальчишки с самопалом
И - рванул зверек в глухой овраг!

Из сборника "Зверьё моё".

А вослед летит стальное просо.
Попадут - шубейка в решето!
Вот убьют - и имени не спросят.
Или покалечат. А за что?

Микола Тютюнник. Украина.

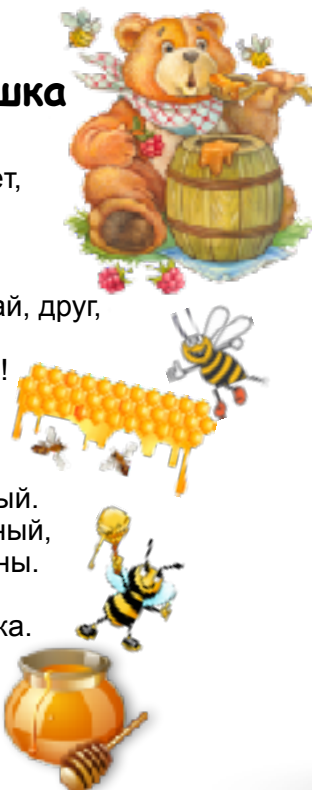
Находчивый мишка

Мишка очень любит мёд,
Завтра к пчёлам он пойдёт,
Наберёт медку в ушат,
Если пчёлки разрешат.
Ну а если пчёлы вдруг

Скажут мишке: - Слушай, друг,
Мы делиться не хотим,
Без тебя медок съедим!

Мишка тотчас принесёт
Из берлоги свой фагот,
И усевшись под рябиной,
Им сыграет марш пчелиный.
За такой подарок славный,
Будут пчёлки благодарны.
И тогда, наверняка,
Разрешат набрать медка.

Евгений Новицкий.
Украина.

Сладкоежка бегемот

У бегемота Янки
Плохое настроенье:
Закончились баранки,
Конфеты и печенье,
А в трёхлитровой банке
Закончилось варенье...
Ах, бедный, бедный Янки,
Такое невезенье!
Забрался он в болото,
Нос выставил и ждёт:
Вдруг тортик ему кто-то
На блюде принесёт.

Евгений Новицкий.
Украина.

Тузик и его друзья

Волшебное яйцо.

Перед Пасхой на Шумном Дворе у всех много дел. Мама-Иголочка заводит тесто на куличи. Дедушка Помахайкин и папа-Лобик прибирают во дворе. Рябушки снесли много яиц. Теперь Бублик и Говорилка сидят под Леопардом и эти яички раскрашивают. Красивые получаются - красные, жёлтые, зелёные, фиолетовые...

Малыши долго возятся, даже носы и пальцы запачкали краской. И вдруг видят, что одно яйцо удивительно большое - раза в ТРИ больше тех, что снесли Рябушки.

- Странно, - удивился Говорилка: - как большое яйцо сюда попало?
- Может, оно волшебное? - прошептал Бублик, и отложил яйцо в сторонку.

Наконец Бублик и Говорилка закончили работу и сложили крашенные яички в корзинку. Затем убрали краски на место и вымыли ручки. Потом взяли большое яйцо, что лежало в сторонке, и пошли к маме в

кухню.

- Mamочка, пожалуйста, выдуй нам это волшебное яйцо, - просит Говорилка.
- Какое же оно «волшебное»? - засмеялась мама-Иголочка. - Это просто гусиное яйцо.
- Нет, оно волшебное... - сказал Бублик, и едва не заплакал.
- Мы хотим пустышку, чтобы наклеить картинки, - начал тереть глаза Говорилка.
- Ну, хорошо, - перестала смеяться мама-Иголочка. - Только яйцо надо

сначала проколоть с обоих концов, а гусиная скорлупа твёрдая...

Дедушка Помахайкин услышал разговор.

- Не плачьте, шалуны, я вам прокалю гусиное яйцо, а папа-Лобик выдует его при помощи компрессора.

Гномики не знают, что такое «компрессор». Таращат на деда глаза. А в это время в гараже послышался грохот - да такой, что малыши зажали ушки. Даже Тузик лёг на траву и закрыл голову лапами. Матильда Леопольдовна тоже испугалась и вскарабкалась на Леопард...

- Не бойтесь, - сказал добрый дедушка: - это папа-Лобик включил компрессор. Это - машина такая: она помогает напором воздуха сделать трудную работу. Вот сейчас компрессор выдует для вас гусиное яйцо...

Дедушка-Помахайкин проколол гусиную скорлупу, потом взял большую кружку и пошёл в гараж. Конечно же, гномики осторожно заглянули в приоткрытую дверь: страшно им, но ведь так интересно!

Смотрят малыши: дедушка Помахайкин держит над кружкой гусиное яйцо; папа-Лобик стоит рядом - и в руке у него смешная рукоятка с длинным шлангом.

- Сейчас по этому шлангу пойдёт сжатый воздух - и выдует ваше яйцо в кружку, - сказал папа-Лобик. С этими словами он приставил кончик рукоятки к дырке в яйце, осторожно нажал курок и - ПШИК! - из яйца что-то вылетело и шлёпнулся в кружку...

Наконец компрессор выключен, в гараже тихо.

- Ну вот, проказники, забирайте свою пустышку! - смеётся дедушка-Помахайкин. - А яйцо - это же самое главное! - теперь в кружке: мы дадим его маме-Иголочке, она положит яйцо в тесто и испечёт папе-Лобик булочку.

Радостные Бублик и Говорилка побежали домой. Достали клей, ножницы, картинки и ленты. Потом уселись под Леопардом: пыхтят, стараются - пустышку украшают...

Любопытная Матильда Леопольдовна спрыгнула с Леопарда и подошла к детям. Даже Тузик поднял голову. Оба с интересом наблюдают: чем это гномики занимаются? Долго смотрели. И нечаянно задремали...

На Шумном Дворе всё ещё светло, но Рябушки в курятнике затихли, им тоже скучно стало. А Бублик и Говорилка всё так же с пустышкой возятся...

Наконец яйцо готово: все картинки и ленточки на пустышку наклеены. Красиво получилось, нарядно, теперь гусиное яйцо даже не узнать. Вот только дырки в скорлупе остались. Гномики просто не знают, как их закрыть...

- Всё-таки нехорошо дырки в яйце оставлять, - зевнул Говорилка и начал тереть глаза.

- Но как их закрыть? - сказал Бублик, и тоже сладко потянулся: - Я уже устал...

И всё-таки малыши стали думать - как закрыть дырки: поворачивают пустышку и так и эдак, крутят во все стороны И вдруг слышат - в пустом яйце странный звук: «тук-тук». Потом ещё - «тук-тук-тук»...

Что за чудеса! Ведь, скорлупа пустая. Стали гномики в дырки заглядывать: нет, ничего не видно. А в пустышке снова - «тук-тук», «тук-тук-тук». Бублик решил ещё раз заглянуть в дырку. И вдруг...

Что такое, ничего понять нельзя: Бублик оказался внутри яйца! В самой середине пустышки! Говорилка осталась под Леопардом один. Он очень удивился: куда это братишка исчез? Ничего не сказал, просто взял и убежал. И куда убежал - неизвестно.

Гномик оглянулся, но Бублика нигде во дворе не видно. Он подождал ещё немного, решил снова заглянуть в пустышку - так, на всякий случай. Прижался глазом к дырке - и тоже оказался внутри яйца! Рядом с братишкой!

Смотрят малыши друг на друга - и ничего понять не могут. Только время от времени кубарем в пустышке катаются - точно кто-то снаружи яйцо толкает. Хотят встать - не могут, падают. Но ведь и стенки внутри скорлупы круглые...

Сидели гномики в яйце, сидели - стало скучно: места мало, играть-шалить негде. А тут опять оба кубарем покатались...

А покатались они потому, что на Шумном Дворе поднялась паника.

Проснулся Тузик, видит - гномики куда-то исчезли.

- Дети пропали! - испуганно зарычал он и понюхал пустышку. Даже лапой потрогал приклеенные ленточки

- Куда делись малыши? - жалобно мяукнула Матильда Леопольдовна, подбежала к яйцу и стала катать его по траве...

А в это время гномики внутри яйца сидят. Вернее, катаются... кубарем. Охают, потирают ушибленные бока.

- Послушай, братик, кажется, мы с тобой в цыплят превратились? - забеспокоился Говорилка. И у нас, вместо рук, вырастут крылышки? Придётся нам клевать зёрнышки...

- Не хочу зёрнышки! - едва не заплакал Бублик. - Хочу бублик!

Скучно сидеть в яйце и ничего не делать. Решили гномики играть в чехарду. Только разбежаться негде. И всё же стоит попробовать...

Бублик подпрыгнул первый, и вдруг - через спину Говорилки! - кубарем вылетел из скорлупы! Прямо на Шумный Двор. Сидит на траве, колени потирает.

Говорилка остался в скорлупе один. Сначала испугался: с кем теперь играть? С кем шалить. Сидеть в яйце, без братика, вовсе не интересно. Решил тоже прыгать. И только он подскочил... как тут же вылетел из яйца! Свалился на траву, рядом с Бубликом.

- Погляди-ка, мы с тобой из яйца вылупились, - удивился Говорилка.

- Значит, мы превратились в цыплят? - вздохнул Бублик и посмотрел на свои ладошки.

Но Бублик и Говорилка - всё те же, настоящие гномики: их руки крылышками не стали, и зёрнышек в траве им искать не надо. И сидят шалуны у себя - в собственной кровати, заспанные глаза протирают...

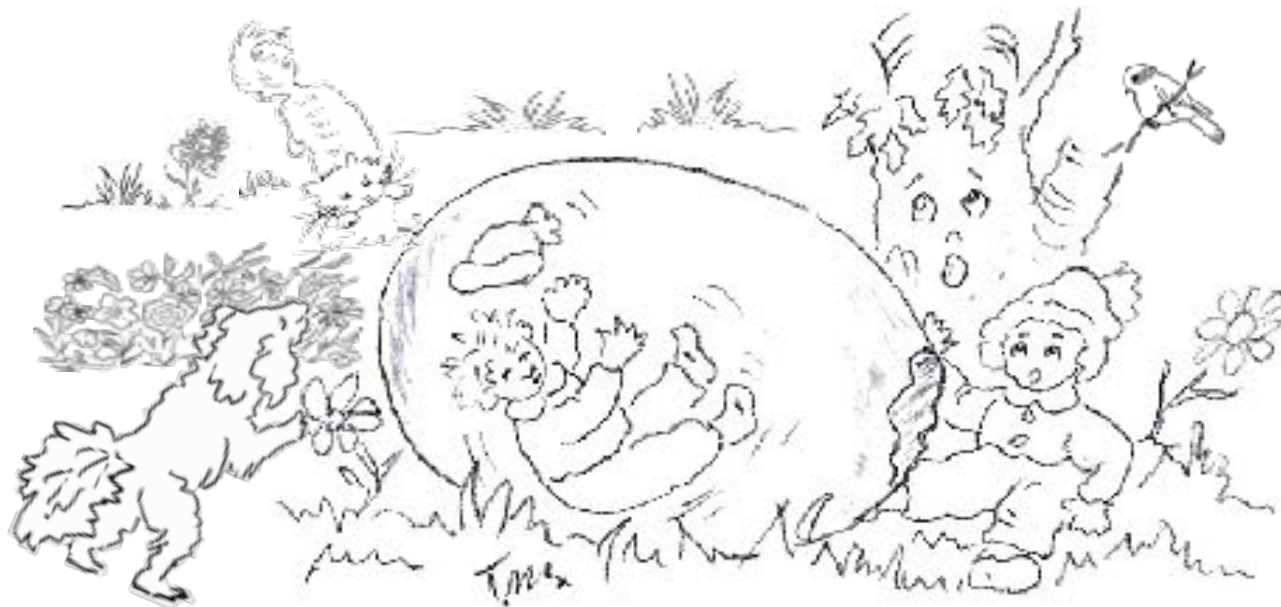
Одно только странно: на Шумном Дворе - перед самым домиком - лежат на траве куски сломанной скорлупы.

Вот и разберись теперь: что это было?

Потому что, если СОН, - тогда откуда взялась на траве сломанная скорлупа?

А если не сон...

Значит, на Пасху Чудесные Чудеса бывают.

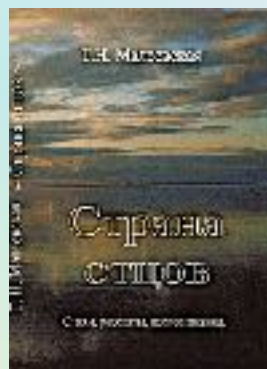
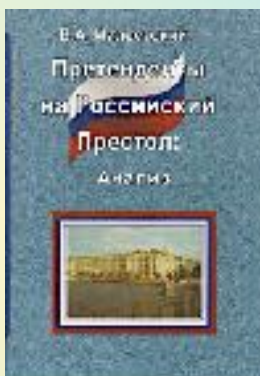

СОДЕРЖАНИЕ - № 74 - (2019 г.)

Тебе, Воскресшему... (стих. К.Р.)	1
Земля и солнце... (стих. Л. Чарская)	1
Воскресение Христово (стих. Е. Горчакова)	1
У Бога мёртвых нет... (стих. Н.И. Гнедич)	2
Христос Воскрес (стих. В. Ладыженский)	2
Еще земли печален вид... (стих. Ф.И. Тютчев)	2
Полынья (стих. С. Донченко)	2
Любить всегда... (стих. В.К. Невярович)	2
«О психическом понуждении» (статья, И. Ильин)	3
Не зовите меня в Бундестаг... (стих. Конст. Фролов-Крымский)	6
К 75-летию битвы под Москвой... (стих. Пётр Свистунов)	6
“Незабудки”... (очерк, М.М. Пришвин)	7
Покой... (отрывок, “Земля дождей”)	14
Вегетарианская пасха (фельетон, Н. Рахманов)	15
Терпение (прот. Александр Мень)	16
На чужбину (рассказ, Л.А. Авилова)	17
Любить (стих. Эд. Асадов)	19
«Отрывок» (миниат. А.П. Чехов)	20
Забытое наследие (стих. В. Иванов-Ардашев)	20
Любовь и весна (рассказ, Тэффи)	21
Под напев молитв пасхальных (стих. Конст. Фофанов)	24
Благовест (стих. К.Бальмонт)	24
Красота (стих. К.Бальмонт)	24
Ещё майская ночь... (стих. Фет)	24
Антрепренер под диваном (рассказ, А.П. Чехов)	25
Дела давно минувших... (стих. Валерий Румянцев)	26
Перед весной... (стих. Анна Ахматова)	26
Я тебе ничего не скажу... (стих. А Фет)	26
Из весеннего дневника (рассказ, Тэффи)	27
Ручьи дождя бегут... (стих. прот. В. Мазур)	28
В поисках солнца (стих. А. Гушан)	28
Сон репортера (рассказ, А.П. Чехов)	29
Русский язык (стих. С. Луценко)	30
Предпасхальное (стих. И. Нечипорук)	30
Так однажды... (стих. М. Овчинникова)	30
Старик и собака (рассказ, А. Герасимов)	31
Некрасов из детства (стих. В. Пайков)	31
Весенняя картина... (миниат. Виктория Розаль)	31
Внутри рассвета (рассказ, М.Смирнов)	32
Спадает жар (стих. Д.В. Бобылев)	33
Цирк (рассказ, Г.С. Кулишкин)	34
Оттепель (стих. Николай Заболоцкий)	36
Без названия речка (стих. В. Шамонин-Версенеv)	36
Чёрная женщина (роман, Николай Греч)	37
Душа и тело (стих. Михаил Волин)	44
Пасха в Петербурге (стих. И. Северянин)	45
Маки (стих. Елена Грот)	45
Стена (стих. Сергей Калабухин)	45
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	46
Качели (стих. Алексей Гушан)	51
Дремучий медведь (К. Г. Паустовский)	52
Дырка от бублика (рассказ, Ф.М. Ошевнев)	55
Зайчишка (стих. Микола Тютюнник)	55
Находчивый мишка; Сладкоежка бегемот... (стихи, Е. Новицкий)	55
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис. автора)	56

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

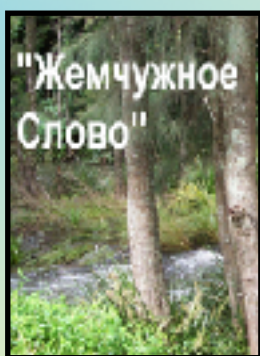
Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - 0404-559-294.
Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) - Т. Малеевская.

Т. Малеевская - «Страна отцов» «Серебряный город», «Душенька»:
 А также книга **В.А. Малеевского** «Претенденты на Российский Престол».
 За справками обращаться **(07) 3161-49-27** или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

ВНИМАНИЕ !
 Вышла в свет новая книга:
Т.Н. Малеевская
«ВИДЕНИЯ» -
- Избранные стихи, рассказы, воспоминания, путевые заметки -
 За справками обращаться –
tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»
 Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>
 Новый сайт «Русское Зарубежье»
 Посвящается Харбинцам и послевоенным эмигрантам из Европы -
<http://ruskojezarubezhje.yolasite.com>
 Также личный сайт автора -
tamaleevwriting.yolasite.com